

Отдѣлъ II. Обычай.

А. Оркино.

Miini-k sediki-lä apak lamdakyŭt. Oznè-sešt äs ko-jsèst. Syn vot kyda o-znèsešt. Kočkse-št syrä a-ta. Še ulñis Niškípa-zyst, a eščo-ulñis pa-zyst mä-nílca; šeñen ulñis lām Vé-repaz. O-znoma ta-rkast ulñis vä-ŭki latksa, latksyñt o-žera, o-žeraš säri-j, ožerañt kra-ja ku-da. Še ku-dyñti puru-mkšnyšt ozno-ma. Kona-čystyñt puru-mums ozno-ma, Niškípa-zyst kužä kudypo-tmarc, a naro-děš puru-mä kudy-ñti; kandy-t miñicuna: ki vaz vétä, Ki re-vä vétä, ki tuva pañä; ñeñ jala Vérepaznyñ; i karñi-t ozno-ma. Ozno-m-

Наша были въ старину некрещеными. Они молились по своему. Вотъ какъ они молились. Выбирали старика. Это былъ ихъ Нишкипазъ, а еще у нихъ былъ богъ на небѣ; тому имя было Верепазъ. Мѣсто молитвы было у нихъ въ одной долигѣ; въ той долигѣ было озеро, озеро глубокое, а на берегу озера домъ. Они собирались на молитву въ тотъ домъ. Въ тотъ день, когда должно собраться на молитву, ихъ Нишкипазъ залѣзетъ на подволоку, а народъ соберется въ домъ; нанесутъ всякую всячину: кто приведетъ теленка, кто приведетъ овцу, кто пригонитъ свинью; это все для Верепазъ; и начнутъ молиться. Молясь, говорили

sta i-šta korta-št: «Niški Pas, Pokš Pas, kořme-ńeć, makst tñi-k šu-ra», a še Niškipazys kudypo-tmarcta karčyzyst sa-sta ěe-fā: «maksa-n!» Syn ta-gy vāšy-t: «Niški Pas, Pokš Pas, kořme-ńeć uli-za o-lgēza ažyja-ška». — «Ulā!» — «Niški Pas, Pokš Pas, kořme-ńeć, kolōzy-za uli-za tñžapā-ška». — «Ulā!» — «Rože-ńt žorna-za uli-za pññ ěāčka». — «Ulā!» — «A skote-nañti makst ěumbra-čy». — «Maksa-n!» — «Skote-naš vā-šij rašta-za.» — «Raštā!» — «I āštānik makst ěumbra-čy». — «Maksan!» — I išta vāšyt mñži ěe-lezēst para. Mājļā še Niškipa-zys kyřna-ftā kudypo-tmarctyñt vāc i uji vāda-lga sa-ñdij pu-lys i kekšā šezē-ń. Šesta naro-dēs strady-t kudga.

A mon stufty-ñā jofta-ms. Oznoma-da i-kilā, syn jakši-št vā-ññ ba-ñas. Bañā-s ulñi-s li-ja la-tksa. Še la-tkyñt lññiza ěejga-k Bañala-tka. Kyda ba-ñasyñt pa-rit, li-šit to-sta, moľe-t Čakš la-tku.

такъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, дай намъ хлѣба», а тотъ Нишкипазъ съ подволоки въ отвѣтъ имъ говоритъ потухоньку: «дамъ!» Они опять просятъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да будетъ у него (у хлѣба) солома толщиною съ оглоблю». — «Будетъ!» — «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да будетъ его колосъ съ конецъ тяжа». — «Будетъ!» — «Зерно ржи да будетъ съ черенокъ ложки». — «Будетъ!» — «А скоту дай здорovie». — «Дамъ!» — «Скотина вся да принесетъ приплодъ». — «Принесетъ приплодъ!» — «И намъ дай здорovie». — «Дамъ!» — И такимъ образомъ просятъ что для нихъ хорошо. Затѣмъ тотъ Нишкипазъ соскочить съ подволоки въ воду и поплыветъ подъ водой къ камышамъ и спрячется туда. Тогда народъ разойдется по домамъ.

А я забылъ рассказать. Передъ молитвой они ходили въ мірскую баню. Баня находилась въ другой долигѣ. Имя той долигѣ и теперь Банялатка. Послѣ того какъ они выпарятся въ банѣ,

Še ta·gy fi·ja. Še la·tksynt ärci·s vä·lín čakšyst. Še latksynt obe·deľt, a mājľä tukšny·št ozno·ma še Niškipa·zynťi. Ila duma·, syn išta šä·ji·cta jakšišt še Niškipa·zynťi oznése·mä: syn išta· jakši·št oznése·mä goděnte kaukst ko·lmókšt, ato še Niškipa·zys jakši·s vä·liva vä·t. Moli valma·luu i kulcy·nä, ki mä·ži väšä. Tosy·välini·k väšy·t, välin täu väšy·t, a tesa šemejañi·k väšy·t, šeme·jañ me·lka täťt väšyť. Ki·niñ mäži ä·rävä, še šeñ i väšä. Ki väšä: «Niški Pas, na kant moñ čorè·neñeñ tonačiñ», ki poŋkst pa·nart, ki alt, ki uma·ťt, kiñ mä·žiza u·lä. Ki mäži ku·čä, son meřä: «makscy·ñ! Makscyž tänza valmava, son aňe·javä; son sa·jsynžä i tujä. A biďä pokš lo·mañis kuly·s, syn avy·l ańcik poŋkst pa·nart kučni·št, umaťt dy alt; vinaja·k kučništ, tabakt ka·k kučni·št. Syn še·sta duma·št: kona· kulä·, še tonačy·sa jarcä·. Biďä mä·ži tou kuča·t, son neďä ja·rcä tosa·, a biďä mäjija·k aku·čat tänza, son tosa va·čä äřä· i ranğä. Šeks išta· i kučni·št. A biďä kuly·s lo·mañis daño·, soñdedenza mājľä te·sa uš uli·mä karñi·t nučka·ñ

они выйдутъ оттуда, пойдутъ въ Чакиплатку (горшечную долину). То опять другая (долина). Въ той долинь стоялъ мірской горшюкъ. Въ той долинь они обѣдали, а потомъ ходили молиться тому Нишкипазу. Не подумай, чтобы они часто такъ ходили молиться тому Нишкипазу: они такъ ходили молиться въ годъ два-три раза, — а то тотъ Нишкипазъ хаживалъ по ночамъ по селу. Подойдетъ подъ окно и слушаетъ, кто чего просить. Тамъ просить всѣмъ селомъ, просить о мірскомъ дѣлѣ, а здѣсь просить всей семьей, просить о мелкихъ семейныхъ дѣлахъ. Кому что нужно, тотъ о томъ и просить. Кто просить: «Нишкипазъ, возьми неси моему сынку на тотъ свѣтъ», кто (даетъ) штаны и рубашку, кто яйца, кто яблоки, у кого что есть. Кто чего посылаетъ, (а) онъ говоритъ: «отдамъ!» Дадутъ ему въ окошко, а его не видно; онъ возьметъ это и пойдетъ. А если умеръ взрослый человѣкъ, они посылали не только штаны и рубашку, яблоки и яйца; они посылали также вино, посылали также табакъ. Они тогда думали: кто умретъ,

nu·čkat, to šeñeñ še kuly·žis jakšä· vanftu·mynga, koda· by šajtan
mäžingä jak äššä saj, koda by äjdīnga avy·lčä pola·ft. Še kuly·
loma·ñiñti merñešt: čur!

Miñi·k nejga·k kämi·t tänga. Koda·k äjdiñt lašc pucy·ž,
väřta·syž i čura·syž pira·syž. Daža äšpä·nyk kak šäji·cta piri·ci·
synik nejga·k. Pry·mer: koda· sy bu·ra ča·raž, šesta· miñ gorta·
tana: čur Pašša·ngyt, čur Pašša·ngyt¹⁾. Išta· kortč·t buřeñt juta·ms.
A eščo· žardy äřä žale·ra, žyt skaly·n, žyt loma·ñiñ, šesta tuji·t
väřni·k čura·ma pira·ma. Nu tosa avy·l išta piri·t; sa·jit so·ka i
uski·t äjsynza täžtiť, avyl ava·t (avatñä avyl vañkst, ñet akuñ·
čit, čora·tnä ja·k aku·ñčit, a·ñčikodžo·rat kuñci·t). Išta·ju·tyť väřni
krugo·m karkstu·ma narodč·š, väřin puly·st plčeskast no·ldať.
Kua moľč·t, šija väři kortč·t sa·lava: čur Pašša·ngyt, i juty·t vä·
ři·ñt krugo·m. Mäjlä tu·jit väři väřni·n ulča·tnä äzga, išta·ža
soka·synť bo·rözda täji·t, a ko·sy u·lä sy·řä a·tinä äli ba·biñä,

1) Выхро Pas čangyt'.

тотъ съѣсть на томъ свѣтѣ. Если что пошлешь туда, онъ это тамъ
съѣсть, а если ничего не пошлешь ему, онъ будетъ жить тамъ голод·
нымъ и рыдать. Поэтому они такъ и посылали. А если человекъ
умеръ давно, и здѣсь послѣ него будутъ уже внуки отъ внуковъ,
то къ нимъ тотъ покойникъ ходитъ караулить, какъ бы шайтанъ
не взялъ у нихъ чего·нибудь, какъ бы онъ не обмѣнялъ ихъ дѣ·
тей. Такому покойнику они говорили: чуръ!

У насъ теперь и вѣрятъ въ него. Когда кладутъ ребенка въ
зыбку, его покрываютъ зачураютъ и «огородятъ». Даже и самихъ
себя мы и теперь часто «огораживаемъ». Напримѣръ: когда на·
станетъ буря съ вихремъ, тогда мы говоримъ: чуръ, помилуй Богъ,
чуръ, помилуй Богъ! Такъ говорятъ до конца бури. И еще: когда
бываетъ моръ, хотъ коровій, хотъ людской, тогда ходятъ всѣмъ се·
ломъ чурать и «огораживать». Но тамъ огораживаютъ не такъ;
возьмутъ соху и везутъ ее дѣвушки, не женщины (женщины не
чисты, онѣ не берутся, мужики также не берутся, берутся только

šežə·ń taji·ť krost so·kasyńť, prok še lo·mańiń makšny·syž ku·lma·ńti. Koda·k vāši ju·tasyž, mājļā strali·ť ku·dga, a jak·ši·ť vāt.

Nu mińi·k nejga·k kadu·ušt lama šediki·fiń obò·čanyk i ozno·manyk. Koda šedikiļā jakšišt Bańala·tkuņ i Čakšla·tkuņ obedama, mińik nejga·k te ko·jenek vetevā, a·ńcik ĺja·ks. Pry·mer. Kyda· lo·mańis ku·lā, ka·lmasyž, po·menasyž; kafty čy·ť ju·tyť, a kolmoce čyńť ka·rča vā·styńť čo·kšněstěńť ušty·ť ba·ńa. Puru·mā naro·d, pa·riť tosa, vašńa·čora·ť, mājļā ava·ť a šeft mājļi kaduvā sy·ři ba·bińā, i še baši·ńis sajsy·kuly·čāńť pana·ryńza i saji·pājļ i saji·groš. Pana·ryńť ka·jasy bańa·kārķš po·rógóńť troks i karmā·saji·mā; kārč ke·dezēńza grošěńť sajsy·, a vīt ke·

холостые парни). Такимъ образомъ пройдетъ вокругъ села народъ, снявши пояса, у всѣхъ распущены волосы и косы. Гдѣ плутъ, тамъ всѣ говорятъ потихоньку: чуръ, помилуй Богъ! и пройдутъ вокругъ села. Потомъ пойдутъ по всѣмъ улицамъ села и такъ же проводятъ борозду сохой, а гдѣ есть старый старикъ или старушка, тамъ сохой обводятъ крестъ, точно будто отдають того человѣка смерти. Когда обойдутъ всё, тогда разойдутся по домамъ а ходять ночью.

У насъ и теперь осталось много старинныхъ обычаевъ и молитвъ. Какъ въ старину ходили въ Банялатку и обѣдать въ Чакшлатку, такъ у насъ теперь ведется этотъ обычай, но по другому. Напримѣръ. Когда умереть человѣкъ, его похоронять и устроить по немъ поминки; пройдетъ два дня, а наканунѣ третьяго дня въ ночь съ вечера топятъ баню. Народъ соберется, парятся тамъ, сначала мужчины, затѣмъ женщины, а послѣ всѣхъ останется старая старушка, и та старушка возьметъ рубашку покойника и возьметъ ножъ и возьметъ грошъ. Бросить она рубашку черезъ

dezēnza pāji-līnt, ko-mā pana-rynt vālkse i karmā. loyno-ma: «Mi-trij (bidā ku-lycānt lāmiza Mi-trij, ālā koda to-sa kulycānt lāmiza, isfa i mēfā), sak para-ma, šlīt-nardyf kedñe-t pilgi-nit, fārdi-t maryl pokšča-fñin baba-fñin, synda-st ušty-t, syn ga-k ton fārfa-dyž; fāft sedā inā-ldyž, ton oc sycat ā-ricat. A tyñ, pokšča-t baba-t, ilada pokška-fñā, kulcynyŋk eñā-ldumanga, pñimi-ŋk jutky-zyŋk, sa-dy vāŋca šlā-ma narda-ma». Vot karmā-ār-vāŋkin lāmsa fārdimā; konat fānza šeft ma-laviks rodñā, šeñ šeft i-kiŋj kundasyj lāmi-nza. Pry-mēr: Marfa. «Ton, Marfa, avyŋ čužy lo-maŋat, sak, jalgat kak fārdi-t; ton gak, Dřiga, mñiñiñik, ton gak sak, maryl kak veta-k, šli-t nardy-t kara-zyt lo-važat». I karmi loyno-ma žara pomñā ārvā-ŋkin soñceñ lāmsa kuly-cānt rodñā-nza raški-nza. Mājla soñce-ñ raški-nza: «tyñ gak, moñceñ rodñatñā, sada-para-da». Tagy ka-rmā lāmsa fārdimā ārvāŋkin, kona-ñ pomñā-syñžā: «a tyñ Miťrijin raškt ro-dñat, ilady kežē-jaft, bidī syn syf; kodaja-k vāŋca-vāŋca vādī-s sa-tā, pary-s lama,

порогъ банной двери и станетъ брать; въ лѣвую руку возьметъ грошъ, а въ правую ножъ, нагнется ядъ рубашкой и станетъ причитывать: «Дмитрій (если имя покойника Дмитрій, или какое имя тамъ у покойника, такъ она и назоветъ), приди париться, вымой вытри ручки-ножки, позови съ собою дѣвушекъ и бабушекъ, для нихъ ты топилъ, и они также тебя позовутъ; зови упрасывая, ты новый пришелецъ и житель. А вы, дѣдушки и бабушки, не гордитесь, послушайте его просьбу, примите его въ вашу среду, придите вмѣстѣ мыться и вытираться». Вотъ она начнетъ звать каждаго по имени; кто ему ближе всѣхъ родня, имена тѣхъ она переберетъ прежде всѣхъ. Напримѣръ: Марѳа. «Ты, Марѳа, не чужой человекъ приди и позови также подругъ; я ты, Григорій—нашъ, и ты приди и веди съ собою, вымой-вытри спину и кости». И начнетъ причитывать, сколько вспомнить, называя каждаго родственника покойника по его имени. Наконецъ, и своихъ родственниковъ: «а вы также, мои родные, приходите попарьтесь». Опять начнетъ

teññä u·līt. Mäjlä pu·tä polókla·ŋks kome·lénza to·völoŋ. Oŋke-
ñeñte kaji· vädnä, puty käčínä náđínt väđínti. Karmí· šuky-
ñakšnuma i korta·ma: «nu, pokšča·t baba·t, sady väši väši väši, a
mäjlä· moŋe·da kšy sa·lda jarca·ma»; i tujä· še ku·dyñti, kosa-
kuly·š še loma·ñis. A·rā iklčā ugyle stoŋe·kšc. A iklčā u·gylcyñt
kuly·čāñt ode·žanza (bi·dī čora, poŋkst panart, a bi·dā a·va,
ru·čāt pa·nart), i ozā· la·ŋgyzyst, pucyj še grošěñt la·ŋgyzyst.
Mäjli·karmít puru·muma väva·ñetyčāt i syři·ti ott. Iärvä·ŋkiš ka·n-
dā kšy sal; ki kandä· kšy salyñt marťa groškā, ki švečėñä, ki a·lnä,
ki ču·fkiñä, kiñ mājziza ulä, še šeñ i ka·ndä. Koda·k kona sy va-
ka·nynza marťa, sajsy· kyrgama řelėnza i makscyj še babiñi·ñti.
Soñc šuky·nä mo·das, mäjlä šti, kšysa·lynza ke·cėnza ko·mā
ka·rksams, a babi·ñis karmā· kyrkši·mā grošěñt āli aly·ñt āli
čurkañt. Koda·k väšt kyrka·dā, lām gundä·; väši kandy·čāñt lā-
mi·st kuñci·syñzi, ärvä·ŋkiñiñ mēřā: «sada· kšysa·lyn varčama,
a·t vana rođnarŋk sas, kšy sal tāŋk kanč, sada·, jarca·da, uli·stada

звать каждого, кого вспомнить, по имени: «а вы, Дмитриевы род-
ственники, не сердитесь, если они придут; какнибудь вместе
каждому хватить воды, пару много, есть метлы». Потомъ она по-
ложить на полку комель въ ту сторону. Въ корыточко нальетъ
воды, положить ковшичекъ черенкомъ въ воду. Начнетъ кла-
няться и говорить: «ну, дѣдушки-бабушки, приходите всѣ-всѣ-всѣ,
а затѣмъ приходите ѣсть хлѣба соли», и пойдетъ въ тотъ домъ,
гдѣ умеръ тотъ человекъ. Станетъ въ передній уголъ за столъ.
А въ переднемъ углу платя покойника (если мужчина, то штаны
и рубашка, а если женщина, то руци и рубашка), и сидеть она
на нихъ и положить на нихъ тотъ грошъ. Потомъ станутъ соби-
раться почные караульщики и старые и молодые. И каждый несетъ
хлѣбъ соль; а съ хлѣбомъ солью кто несетъ грошикъ, кто свѣчку,
кто личко, кто луковку, что у кого есть, тотъ то и несетъ. Какъ
придетъ кто съ чашкой, возьметъ предметъ для скобленія и дастъ
его старушкѣ. Самъ онъ поклонится въ землю, потомъ встанетъ,

peškset, va·či ila·da a·ščä, a tyñ šeñgi·sa oznë·da Vërepa·zynñ. Vërepazyś maksy·za i kudys i karda·js i paksa·so. Koda·k väši loynoúst lä·mnä, baba·ś alamy·da pránga ko·mafey prok su·kyñä, a šury·ñ sa·lyn gandy·čas su·kyñä mo·das, mäjlä sti i pucy·j vaka·nynza stolla·ŋks. Soñc o·zä väpelej. Mäjli i·šta ombò·cä arä· šuryñ salyn kandyca. Baba·ś išta·ža loynä·, a te išta·ža aščä. A ko·na·t iki·lij zašt i oza·št väpe·lej, ñet ba·kulakšnyf. Koda·k väši pu·runit, koda·k mafa·syž kury·k pelevä· sy, kapšyf šedä ku·ryk u·žynama, atakšyn mora·ms, žare pokšča·tnä baba·tnä ašt tuk. A užyna·ma kyda· ka·rmit, o·znët täjit, o·jšet väši, baba·ś sti·, sa·ji groši karnä kyrkšiminga odežätñä vä·lkse i karnä· tärdi·mä väši ku·la raškni·ñ rodñatñiñ: «sa·da ojše·da marynyk, arci·da kru·go·mganyk, järeñi·da da part tä·nik är·cida, ilady peñäca kšysa·lyñt laŋks; mädzi minc ja·rectana, šedi· i tyñ jarcä·da». Žare son išta loynä, naro·dës aščä väši·j šta·da práñ ko·maftyž. Kyda ñet väši lo·ynoúst, saji čakškis šatkiñit, ka·ji lanğyzyst la·dynñit, sa·ji

нагнется до пояса, съ хлѣбомъ съ солью въ рукахъ, а старушка начнетъ скоблить грошъ или яйцо или луковку. Какъ разъ ширкнетъ, помянетъ имена всѣхъ приносящихъ и каждому скажетъ: «придите отвѣдать хлѣба соли, а то вотъ ваша родня пришла, принесла вамъ хлѣбъ-соль, кушайте, будьте сыты, не останетесь голодными, а вы за то молитесь Верепазу. Верепазь да дастъ и въ домъ и во дворъ и въ поле». Когда переберетъ всѣ имена, старуха нагнетъ немного голову, будто кланяется, а принесшій зерно и соль кланяется въ землю, потомъ встанетъ и поставитъ чашку на столъ. Самъ сядетъ въ сторонѣ. Послѣ того такъ же другой, принесшій зерно и соль. Старуха такъ же причитываетъ, и этотъ такъ же стоитъ. А тѣ кто пришли впередъ и сѣли въ сторонѣ, тѣ поговариваютъ. Когда всѣ соберутся и когда замѣтятъ, что скоро настанетъ полночь, они сѣшаютъ какъ можно скорѣе поужинать до пѣнія пѣтуховъ, пока дѣдушки и бабушки не ушли. А когда начнутъ ужинать, помолятся и всѣ сядутъ, старуха вста-

kaša čakš, kaša čakšyńt laŋks práka, o-mbóce keðezənga sa·ji sa·l-dyrks, sa·ldyrksyńt laŋks la·dyn ča·kškińt i jakä· stolŋneń kru-go-m, a jaka·msta kortä: «Ňiški pas, Pokš pas, ko·rmeñec, čačy·za kšysaly·š tñni·k i rožne·š i sury·ñis i toŋžernés i čužny·š i víški·š i kšnaŋni·š i čyča·víčas i muški·ñis i konnē·š i čynžara·mytñä i arbu·snä i dytnä· i uma·fñä i kuja·ryñä i durakkujaryñä²⁾». Ky-da· ja·kä, kodamy šurysa·l ne·jä, jala práńt šu·kyñasy i šury·ńt lñni·nga ku·ndasy; išta· jaki·tñä, o·zä, saldy·rksyńt ara·fey, kšyńt pu·cy; kašačakšyńt ma·kseyj šťrapuža·tñiñiñ³⁾. La·dyn čakš-kińt ara·fey pa·zava u·gyle. Šesty i meřä: «nu davajti mážirŋk ulä, mážä Pas tñŋk maksē, ilä·dy víšt ä·jstynyk, ilä·da päl pokšča·tñidä». Odeža·tñiñ la·ŋks pu·tä od čapla·ška, od pññčkä. Koda·k koda·ma pi·šča pu·tyt, son křosta·syj vakanyńt pññčca, a·myldä ä·jstynza alama i kaja·syj mājgñiñt še čapla·škiñiñti. Kaja·msta me·řä: «jarca·k, jarca·k, Mi·ta, jalga·t kak ka·vañit». Mäjlä

1) lady·tt. 2) duja·kuja·ryñä. 3) šťrapuža·tñiñiñ. (стар.).

петь, возьметъ грошъ и начнетъ скоблить его надъ одеждами и начнетъ звать всѣхъ покойныхъ родственниковъ: «приходите, сидьте съ нами, встаньте кругомъ насъ, покушайте и добра намъ желайте, не пейите на хлѣбъ-соль; что мы сами ѣдимъ, то и вы кушайте». Пока она такъ причитываетъ, всѣ стоятъ, наклонивъ голову. Когда она всѣхъ ихъ переберетъ, она возьметъ въ горшокъ угольковъ, положить на нихъ ладону, возьметъ горшокъ каши, на горшокъ каши (положить) пирогъ, возьметъ въ другую руку солоницу, на солоницу горшокъ съ ладономъ и ходить во-кругъ столовъ, а ходя говорить: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кор-милецъ, да уродятся у насъ хлѣбъ-соль и ржица и ячменѣкъ и пшеничка и просцо и полбица и горошекъ и чечевича и конопельки и ленокъ и подсолнечники и арбузы и дыни и яблоки и огурцы и тыквы». Когда она ходитъ, какую увидитъ хлѣбъ-соль, непре-мѣнно поклонится и назоветъ хлѣбъ по имени; такъ она походитъ, сидеть, поставить солоницу, положить хлѣбъ; горшокъ съ кашей

soúé amy·ldä i korčta·msta mé·fä: «nu, Mita·, uli·za čāñfkit, pačkydiza tät; nu jä·rcñida». Šesta vä·šij druk kaja·vit jarca·ma, añcik pññčt mařāvit kaldyrdu·mada. Še ška·nä kija·k māšt kak ako·rtä, a·ñcik noske·t da jarcy·t. A kyda päki·st peške·det čak čak ku·fcims, syñ ku·fcimañt ta·rkas u·ksñit: ūχ, täjä, ūχ, täjä, ūχ, täjä, koda·myška loma·ñis pa·ryl, i väši išta. Karmñi·t ukññi·mä i paryloma·ñist ä·jsa jofñe·mä. Kyda· u·žynyť souše·m, babi·ñis du·mä: «Ka·na u·lä, ka·na ara·š, eščo mājizt kake, i mēfä: «nu slava Bo·γu, eščo· uli mājizñ ka·k, štakšnu·ms äřā·vä». Mājñi štit, o·znět, liši·t stolēkšsta, baba·š sa·jsyñžä čapla·škiñt i pññčki·ñt, kšy pa·myřkskit sajä, čurka lo·peñet, umař bo·keñet, al lu·kškit, odeža·nga sajsy·ñžä i lišä· u·lcau. Ary čukšpřas i karmñä vaka·nnyñt äjsa kyrksi·mä: čaplaškiñt kyrksisyj, pññčkiñt ky·rkšisyj, kyrksä i odežanga äjsa, kyrksä·ko·mada, a osta·tka naro·deš toža a·ščit ko·mada. Kyrksimsta babiñis eñā·ldä pokščātñi·ññ baba·tñiññ: «ila·st peñäčä, kodamy kšysa·l ulñi·š, možy kiñ-

отдасть стряпухамъ. Горшокъ съ ладономъ поставитъ въ уголъ къ образамъ. Тогда она скажетъ: «пу давайте, что у васъ есть, что Богъ вамъ далъ, не стыдитесь насъ, не бойтесь предковъ». На одежду она поставитъ новую деревянную чашечку, новую ложечку. Когда поставятъ какое нибудь кушанье, она перекреститъ ложкой посуду, немного черпнетъ изъ нея и наотмашь выльетъ это въ деревянную чашечку. Выливая, она говоритъ: «Бшь, бшь, Митя, и угости также товарищей». Потомъ она сама помѣшаетъ и покушавши скажетъ: — «Ну, Митя, да будетъ и у тебя частичка(?), пусть дойдетъ до тебя; ну, кушайте». Тогда всѣ вдругъ бросятся бсть, слышенъ только грохотъ ложекъ. Въ это время никто ничего не говоритъ, только сонятъ и ѣдятъ. А когда они насытятся, станутъ трудно дышать; вмѣсто стону укаютъ: «Ухъ, ухъ, ухъ, какой человекъ былъ хорошій», и всѣ такъ начнутъ вздыхать и говорить о хорошемъ человекѣ. Когда отужинаютъ со всѣмъ, старушка подумаетъ: «не знай есть, не знай нѣтъ у нихъ еще чего нибудь», и скажетъ: «ну, слава Богу, еще есть у васъ,

ga·k stuťet tãrdims jarca·ma; šesta nady, tã·nza kandy·da mãzi ka·duš; iľa·ža penãcã, tesk savyľ, tesk jarca·vyľ. Mon ved' mēen čyja·k i baňa·sa i stol ekšca: sa·da vãši, jarca·da, a uš kak stuffy--ñã, tak na·da, tãnza kandyŋk». Někeñ i jorcēñžã čukšprãs, ñe kšypa·myřkskitñiñ loa·žatñiñ i čapla·škiñistyñt kaja·synžã i tuji·po·taž ořatñi. Mãjľi vãši prãst karñi·t koma·fñiñã; ä·řva komařtu·mstyñt jala mēe·t: «prošca·jti, prošca·jti, prošca·jti». A va·ndyj uli·t poñe·ukat. Ištaža puru·mit čyt, ištaža kšysa·l kandy·t loma·tñã, ištažy ba·biñis ky·rkša, ištaža čukšprãu ga·k ľi·sñã. Eščo·vãjksy čyt po·mēet. Vãjksy čyñ karčyja·k i·štaža vã·vanēñi·t; ko·ty ñã·dľanzy poñena·syž; ištaža peľ go·dēnza poñena·syž i godē·nza poñena·syž i ja·la vã vanfñi·t äřva·poñena·myñt ka·rča.

Eščo·poñena·kšnyt kalmyla·ŋgyñ čysta. Šestã vã ava·nfñit; tãjñit bra·gat, tãjñi·t pu·rit, sajñi·t vi·na, piči·t sa·rast, řesta·ñ

что-нибудь, надо вставить». Потомъ встануть, помолятся, выйдутъ изъ за стола: старуха возьметъ деревянную чашечку и ложечку, возьметъ хлѣбныя крошечки, луковичные листочки, половинки яблокъ, яичныя скорлупки, возьметъ его одежду и выйдетъ на улицу. Станетъ въ сорное мѣсто и начнетъ выскабливать чашку; поскоблитъ деревянную чашечку, поскоблитъ ложечку, скоблитъ и его одежду, скоблитъ нагнувшись, а остальные также стоятъ нагнувшись. При скоблении старушка настойчиво проситъ дѣдушекъ и бабушекъ: «чтобы не пеняли на то, какова была хлѣбъ-соль; можетъ быть, позабыли позвать кого нибудь къ ѣдѣ; въ такомъ случаѣ возьмите, отнесите ему что осталось; пусть онъ не пеняетъ; если бы пришелъ сюда, поѣлъ бы здѣсь. Вѣдь я говорила давеча и въ банѣ и за столомъ: придите всѣ, покушайте, а ужъ если я его забыла, такъ возьмите, отнесите ему». Это она и броситъ на то мѣсто, гдѣ выбрасываютъ соръ, тѣ хлѣбныя крошечки и кости; и выльетъ изъ деревянной чашечки, и пойдетъ задомъ къ воротамъ. Потомъ всѣ начнутъ наклонять свои головы; каждый, наклоня голову, все время говорить: «прощайте, про-

sy·vil; néñ váši sa·jsyž i tuji·t kalmylaŋks. Saji·t ma·ryst pome-
na·nijat i aščä·ärväχkiš äs ka·lmynza la·ŋksa. Aščä· i lajšä·.
Bidi lajšä· odava· loma·niŋgis, šestä· meřä·: «duga·j, duga·j, a
O·ksa» (äli koda·lä·miza tosa), a bidi ava täχti·rinza ki·sä la·jšä,
šesta·lajšy·msta meřä·: «taka·j, taka·j, a Ka·ta (äli koda·lämi·za
to·sa), mazyj taka·j, a Ka·ta; mäks taka·j kady·mik, nuža·s gořa·s
kaji·mik, ki·ne·j priŋi·m čaŋsi·syj»... A bidi täχti·r lajšy a·vanza
ki·sa, še·stä sra·zu¹⁾ šärgidä täχti·riš: «uχ, ava·kaj gořma·kaj,
uχ, kořme·nečkä avi·niŋ, uχ, avi·niŋ dīri·niŋ, mäks ton avi·
niŋ kady·mik, nužas gořa·s kaji·mik»... A bidi lajšy·t čoraloma·
niŋ ġis, šesta šärgi·dīt: «pola·j, pola·j, a I·van, mazy·j pola·j, a
I·van».... Bidi ava čora·nza kis lajšä·, še·sta še meřä·: «mäks ton
äjdniŋ kady·mik, nužas gořa·s kaji·mik»... A bidi koža·jka miř-

1) šesk.

щайте, прощайте». А завтра будут поминки. Такъ же собираются
днемъ, люди такъ же приносятъ хлѣбъ-соль, старушка такъ же
скоблить, она такъ же выходитъ на сорное мѣсто. Еще
въ девятый день поминають. И на канунъ девятаго дня такъ же
бодрствуютъ ночью; поминають шесть недѣль; такъ же поми-
нають въ полугодовой день и въ годовой день, и передъ каждымъ
поминачіемъ бодрствуютъ ночь.

Еще поминають въ родительскій день. Тогда ночью не бодр-
ствуютъ; готовятъ браги, дѣлають пури, возьмутъ вина,
сварятъ куръ, приготовятъ жареное мясо; все это возьмутъ и
пойдутъ на кладбище. Возьмутъ съ собой поминанія, и каждый
становится на своей могилѣ. Стоитъ и вопить. Если вопить
молодая женщина по женщинѣ, тогда она говоритъ: «сестрица,
сестрица, а Окся» (или какъ тамъ его имя), а если женщина во-
пить по своей дочери, тогда, вопя, она говоритъ: «дитятко, дитятко,
а Катя (или какъ тамъ ея имя), красивое дитятко, а Катя; отчего,
дитятко, ты меня оставило, бросило меня въ нужду и горе, кто
теперь поищетъ въ моей головѣ»... А если вопить дочь по матери,
то дочь сразу закричитъ: «ухъ, матушка-кормилица, ухъ, корми-

dĩnža kis lajšā, še šārgidā: «duga·j, duga·j, a I·van, mazy·j duga·j a Ivan»... Mājļā syt popt, služyt pokš pana·fida i tuji·t kalmy·tñiñ larğa poñena·ñijāñ loyno·ma. Kyda·vāši lo·gnēsēz, tu·jit. A ava·tñā karmī·t še·sta šimīñā i jarca·ma; vāχki·st vāχki·st kavañama kona·t šedā mala·syty; šimī·t i jarcy·t prāvi·st čaraka·dums, i ārvāχkā šimīma jarcamyñt ājsta kajši·t lomañiñ prā·pās moda poc mīnićuna, i kšy i braga· i puřā· i syvi·l, putñi·t če·la ałt.

Putñi·msta jala kortēt: «na· vany tāt (kundasy lāmi·nža), šimī jarca·k, vačy i·la ulf i āštānik pary ārci·k». Mā·jļā štakšny·t i strali·t ku·dga. A sy·ndēdest mājļā puru·mīt šezēñ stada ki·ska i karmī·t čuñnu·ma i tarksi·mā māzi syñ dozē·ñ kadny·št i sāvi·mīst, a kyda sāusy·ž, kyda ala·my kadu·vā tosa, ańcik ti·ja tu·a pāki·st ape·škedet ki·skafñiñ, šesty tuřga·dyt, karmī·t vāχkist vāχkist ā·jsa šezñemā i kāpi·dīt istamyška žalť, bidī vāt goda·vat ma·las, na·tyj če·řet dubiško·m štīt.

лица моя матушка, ухъ матушка моя кормилица, зачѣмъ ты, матушка, меня оставила, бросила меня въ нужду и горе»... А если вопить по мужѣ, тогда закричать: «половина моя, половина моя, а Иванъ, красивая половина моя, а Иванъ».... Если вопить мать по сынѣ, тогда та говоритъ: «зачѣмъ ты, дитятко, меня оставило, бросило меня въ нужду и горе»... А если жена вопить по своему мужѣ, то она кричитъ: «дружокъ, дружокъ, а Иванъ, красивый дружокъ, а Иванъ».... Потомъ приходятъ попы, служатъ большую панихиду и пойдутъ по могиламъ читать поминанія. Когда прочтутъ все поминанія, уходятъ. А женщины начинаютъ тогда пить и ѣсть, угощать другъ друга, которыя между собою ближе, пьютъ и ѣдятъ до потери сознанія, и каждая отъ питья и ѣды выбрасываетъ кое-что на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ голова (похороненнаго) человека, и хлѣба, и браги, и пури, и мяса; кладутъ и цѣльныя яйца.

Ставя (это), все время говорятъ: «на вотъ тебѣ (имя рекъ), пей ѣшь, не будь голоденъ и для насъ желай хорошее». Затѣмъ

Kalmylangyn čyńt karča toža ušni-t bańa-t i jakšit pařa-ma, a pokščatniń babatniń tärčni-syž, i mon maři-n la-myn ku-rksta, šty še västyńt nejef, koda sakšny-t bańańti pařama, väši paračik-paradžik syt, väši ašy-syt; kona-t syt, kona-t tuji-t, i išta. syn syt i tuji-t afa-kšyn mo-rams. Kodak atakš mo-rä, to šesta srazy ju-mi-t. Mon mońc vanfni-n, nu mäzi ja-k äzi-n nek; poe-tomu ¹⁾ mon avy-l švato-jan, a synet nekšne-sež ja-la ba-biniť, kona-t šäjieta ja-kšit pońenka-va. Syn i-štažy jofne-t i-ničyn obe-dňañ zavutyř-ňañ jutksta jakši-t kalmalařks křisto-zovama; prat, kelä, modańt lařks ko-mada, čeret no-ldasyt i me-rat: «Křistos voskreš», a syn do-sa prok brumt byzaka-dyt. Nu val ača-řkydívä; tože-n mon äzi-n jaka-.

1) šeks.

встають и расходятся по домамъ. А послѣ нихъ собираются туда стаи собакъ и начинаютъ вырывать и вытаскивать то, что они здѣсь оставили, и съѣдать это, а какъ съѣдать, когда здѣсь останется немного, и только кое-гдѣ собаки не наѣдятся, тогда онѣ подерутся, станутъ рвать одна другую и поднимуть такой крикъ, что если ночью угодишь близко, то даже волосы станутъ дыбомъ.

Наканунѣ родительскаго дня также топятъ бани и ходятъ париться и призываютъ дѣдушекъ и бабушекъ, и я слышалъ отъ многихъ, что въ эту ночь видятъ, какъ приходятъ въ баню париться; всѣ приходятъ попарно, всѣ въ бѣломъ; кто приходитъ, кто уходитъ; и такимъ образомъ они приходятъ и уходитъ до пѣнія пѣтуховъ. Какъ запоетъ пѣтухъ, то тогда они сразу исчезаютъ. Я и самъ караулилъ, но ничего я не видѣлъ; поэтому я не святой, а ихъ видятъ все тѣ старушки, которыя часто ходятъ по поминкамъ. Онѣ также рассказываютъ, что ходятъ христосоваться между пасхальной обѣдней и заутреней на кладбище; упадешь, говорятъ, нагнувшись на землю, распустишь волосы и скажешь: «Христосъ воскресъ», а они тамъ жужжатъ точно шмели. Но слова не разберешь; я туда не ходилъ.

A mīni·k eščo· lamy jofne·t, bu·ta mo·žna muji·ms névi·
dīmka¹⁾ lovažynā. Še mujims vo·t koda. Varčams raužy katka,
kosēja·k vāχkija·k ašy po·nēneza ila·za ul, i saji·ms kona· skalyš
dum ranža i pērvoy va·zyjās i pē·rvoj²⁾ pota·ftumañ lo·fca i že·r·
kala. Še·sta mofems pēlevā ška·nā ba·nas i pidi·ms ba·nasa še
lofcēnt ājsa še katkaš celo·m. Kyda· son uš pi·jā pi·jā, vāšij ka·
ladā. Še·sta karma·ms lovažyniñā vāχtā·vāχtā saji·ms kurks; i
vanums zērkala·va, ārvāχkā lova·žyniñt ku·rksa kirdīmsta. Ko·
da·k porgā še névidīmka lova·žyniš, šesta· zērkala·syñt māžija·k
a né·jāvā. Vot še mara mājlā koχ xočeš aža, māšt xo·češ tājnik,
kija·k aņe·tanžat. Teñ mon āžinā sna·rfnā. Trudna· pēk muji·ms
vā·šij druk, štoba i katka· ra·uža i skal ra·uža, dy tagy pērvoy
vazava, dy taga pē·rvoj potaftu·ma.

1) aņejavīks

2) vāšnā raz.

А наши еще много рассказывают, будто можно найти косточку
невидимку. Вотъ какъ ее можно найти. Поискать черную кошку,
чтобы на ней не было ни одной бѣлой шерстинки и взять у коровы,
которая совсѣмъ черная и отелилась первый разъ и первый разъ
дойтсѣ, молока и зеркало. Тогда пойти въ полночную пору въ
баню и сварить въ банѣ въ этомъ молокѣ цѣликомъ ту кошку.
Когда она ужъ сварится, то вся развалится. Тогда (надо) начать
брать въ ротъ косточки по одной и смотрѣть въ зеркало въ то
время, какъ держишь во рту каждую косточку. Какъ попадетсѣ та
невидимка косточка, тогда въ зеркалѣ ничего не видно. Вотъ съ
той (косточкой) иди затѣмъ куда хочешь, дѣлай что хочешь, и
никто тебя не увидить. Этого я не пробовалъ. Очень трудно найти
всѣ вдругъ, чтобы и кошка была черная и корова черная да при·
томъ съ первымъ телкомъ, да при томъ при первомъ доеніи.

A eščo·míník jofne·t byta možna muji·ms; iničysta obedná zau·tyrna ju·tksta kuži·ms kudypo·tmare, karma·ms kuži·mā, kyda·pervoj baja·gaš va·čkydā, kuži·ms i vāšni·ms, byta to·sa mu·jat lo·mañ pilksynza kemt; ne kemtniñ ta·rgit pilkstynza i šedi ku·ryk ba·jagañt kolmócedā vačkydima·zynza čyčt, a bidā akā·nirāt še po·rañt ā·jsta, to juñi·t, šezne·tadyž; a bidā kñi·rat valgu·ma ne kemtnen ājsa, mā·jlā mo·žna jaka·ms; ne kemtnā išta pek jaki·t, koda·k vāšt ša·gat šišim valgijpāt. I lāmi·st ne kemtnen šemijorctnyčt. Mon kužni·n, nať uca·skam a·rašil: vāš·ni·n, vāšni·n, māžija·k āži·n muk. Perekladyn troks pryñ, ne·reñ gak tapi·nā, valgin i kiñinga·k āžin jofnā, i nej kouga·k asyrksan, dy koda·bidā akāmivijak, a mini·k žary·ja jofne·t, kosty mā·žā mo·žna sajims, štuka·tnā pek udo·bněčt¹⁾ i rama·ž ara·mañit i muji·ž amu·jivit. Nu mon nej uš asna·rfnan mālga·st jaka·ma.

1) ervaikst

А еще наши рассказывают, будто можно найти; между пасхальной обѣдней и заутреней (надо) взлѣзть на подволоку, начать лѣзть, когда ударить въ первый разъ колоколъ, взлѣзть и искать; будто здѣсь можно найти сапоги на человѣческихъ ногахъ; эти сапоги сними съ ногъ и какъ можно скорѣе бѣги до третьяго удара колокола, а если не успѣешь въ это время, то пропадутъ, тебѣ разорвутъ; а если успѣешь слѣзть въ этихъ сапогахъ, то затѣмъ можно ходить. Эти сапоги ходятъ такъ скоро, что въ одномъ твоёмъ шагѣ семь верстъ. И названіе этимъ сапогамъ семивѣрстныя. Я лазилъ, но видно, у меня не было счастья; искалъ, искалъ, и ничего не нашёлъ. Упалъ я черезъ перекладъ, разбилъ даже себѣ морду, слѣзъ и никому не рассказывалъ, и теперь никуда не собираюсь, да какъ то и не вѣрится, а наши много рассказываютъ, гдѣ что можно взять, штуки очень удобныя, и не купишь ихъ и не найдешь. Но я теперь ужъ не попробую ходить за ними.

Ñej syrksa·n kazná·n darga·ma, a miini·k äjsty·st jofne·t pek la·ma. Popón čelña la·tksa u·li že·mlaŋka. Še žemlaŋka·syñt kolma čatt²⁾. Vã·ŋkisyñt pižã·, ombóceséñt ši·ja, kolmó·ceséñt kyk zo·lòta. Kunčkasa ča·nyñt laŋksa aščã· kavjo·r samalo·t, laŋksy·nza aščã· pa·zava Boži ma·fiñs ko·mada vèla·ftuf. Paza·vañt laŋksa při·stalet; ñeñ Šteñka Razin puty·ñžã i putu·mstyst mērc: «Ki ŋočet moñ ta·rkasa uñ·mã, moñ ġreŋen saji·mīst, moñ parym äjsa vaška·ma, to kady·k še sajsy· pristale·tēñt vitkedē·zēnza, a paza·vañt kãrc' ke·dezēnza i letcē·j pa·zavañt vīcta šã·dījs. I šesta·karñã· mãšt ŋočet ñeñ tã·jñã, i jarma·kñiñ sajsy·ñžã i samalotēñt sajsy·, añcik soñce·ñ ojmeza uñ· Šteñka·ñ ta·rkasa. A bratey moi·! Šteñkañ soda·syŋk ko·sa? Tyñ duma·tada, son kuly·s. Son äž gu·la, son äri vīrca. A vot mon dāt jofne·sa, koda son äřã·. Son išta·my ta·rkasa äřã, kijak i mala·v' a mo·levã, a soñc žīv. Sonza Vērepa·s ärdi·kstyžã, modaš a při·masy, a Vē-

2) čant.

Теперь я собираюсь рыть клады, а наши рассказывают о них очень много. Въ долинѣ (называющейся) Поповъ пчельникъ есть землянка. Въ той землянкѣ три чана. Въ одномъ мѣдь, въ другомъ серебро, и въ третьемъ золото. На среднемъ чанѣ поставъ коверъ самолѣтъ, на немъ лежитъ икона Божьей Матери, перевернутая ничкомъ. На иконѣ пистолетъ; это все положилъ Стенька Разинъ и когда клалъ это, сказалъ: «кто хочетъ быть на моемъ мѣстѣ и взять мои грѣхи и блаженствовать съ моимъ добромъ, то пусть тотъ возьметъ пистолетъ въ правую руку свою, а икону въ лѣвую и прострѣлитъ икону прямо въ сердце. И тогда станетъ дѣлать что хочетъ, и деньги возьметъ и самолѣтъ, но только его душа будетъ на Стенькиномъ мѣстѣ. А братцы мои! Знаете вы, гдѣ Стенька? Вы думаете, что онъ померъ. Онъ не померъ, онъ живетъ въ лѣсу. А вотъ я тебѣ расскажу, гдѣ онъ живетъ. Онъ живетъ въ такомъ мѣстѣ, куда и близко никто не можетъ подойти, а самъ онъ живъ. Его проклялъ Богъ, земля

repas ojme·nza a·sajsy. Son i a·ščy bo·kom, kãñ buly jutksa. Kodak čyza va·lgã i puru·mít äzynza vířetynt i guýt i vatra·kšt i mätka·st i mĩnĩñžu·nyñ gatt i karmít äjsynza pofa·ma; čynza šfams kacyž ańcik o·jmeñt dy lovaža·tññ a šädijstynza vã·čki guj a tu·kšny jak, čyni·k vãñi·k pofã. Vot vät išta· pofa·syž, a čop taga· kasã· äzy·nza tela·; koda·k čo·kšneš sy, tagy išta·, i pi·řgiñt ju·mams, kelã, son išta· karmã· äfa·ma. A bidã kija·k letce·j paza·vañt i sajsy· pary·nza, še äramy·dynza mäjlä tarka·zynza arã.

Šedĩkilã äramys pek pary·l. Moda·s la·myl, ki žary du·mã, še šnary so·kã; nu šesta· soka·mys ulñi·s pek beřãñ. Moda·ñt ä·zga čačñis ištamyška pũe·j¹⁾, a so·ka·vã jak. A soka·tñã koda·tt ulñi·št! Pek beřã·tt: sta·kat, aka·ññi·vi umaškat, sošne·kat ara·šilt; palicã·tñã ulñi·št tu·myñ, podvočñã ulñi·št lãřgi·ñ. So-

1) uskaz.

его не принимаетъ, а Богъ не принимаетъ его души. Онъ и лежить на боку на каменистой землѣ. Когда сядетъ солнце, соберутся къ нему изъ лѣса я змѣи и лягушки и ящерицы и всякіе гады и начнутъ его высасывать; съ восходомъ солнца оставятъ только душу и кости, а съ сердца одинъ змѣй и не сходитъ, сосётъ день и ночь. Вотъ ночью такъ высосутъ, а днемъ опять вырастетъ на немъ тѣло; какъ настанетъ вечеръ, опять то же; и говорятъ, что онъ будетъ такъ жить до скончанія свѣта. А если кто-нибудь прострѣлитъ икону и возьметъ его добро, тотъ, послѣ своей жизни, станетъ на его мѣсто.

Въ старину житъе было очень хорошее. Земля было много, кто сколько задумаетъ, тотъ столько пашетъ, но тогда пашня была очень плохая. По землѣ родился такой пырей, что ея и не вспашешь. А сохи какія были! Очень плохія: тяжелыя, никакъ

kšest beřnčta, nu šury·ś čačni·ś pek. Šesta·išta·robóta·št: teleň·k kizyňi·k. Nujima·styňt nu·jit nu·jit, a konatt kadu·vit, sa·jit žē·řda, kildit kafta a·lašat pä·vanga i vefne·sēž alaša·tniň žē·ř·đant mařta uma·ňt larğa; prařcy·ž šury·ňt va·lug. Nukšny·št lo·vón prams, jakšamyt, odeža·sa rykařca·sa, a jala nuji·t. Šesta lotke·t, koda· loq vala·syj šury·ňt. Šesta karňi·t pulf u·skšimā¹⁾, a piřčništ telä ku·někaňä, žarda maňiřt. Ulñi·št aqňat; ne aqňat·niň äjsa košnešt pulft i piřčni·št. Še·stä piřčni·št avyl jarma·kta, koda ne·j, a zajo·m odino·kyřňä. Vášňä vä·řkiňiň piřcyt, mäjlä ombó·čeňeň, a avatňä piščaka·t čop piřcyt, vāňbe·řt ščyrđi·t. Ščyrkšny·št kak avyl išta·: avy·ř pra·řasa ki·ščyz, a ščy·řisa. Gaz ga·k še·sta ara·šil; šesta tol že·řsa a·ščikšništ; pšti·čkat kak ara·šil·t. Pečka·tnä jak avyl išta·tt ulñi·št; avyl kiřpicin, a vřta šo·voneň: čavyž čavit—i pečka, a turba·t o·řsä a·rašil·t; išta·k ä·řčišt.

1) pulfñä uskšimā.

не донесешь, сошниковъ не было; палицы были дубовыя, подвон были изъ лыка. Пахали плохо, но хлѣбъ хорошо родился. Тогда вотъ какъ работали: и всю зиму и все лѣто. Въ жнитво жнуть-жнуть, а что останется,—возьмутъ жерди, запрягутъ двухъ лошадей по концамъ и водятъ лошадей вмѣстѣ съ жердыю по загону; свалятъ хлѣбъ подъ одно. Жали до снѣга,—холодъ—въ одеждѣ и въ рукавицахъ, а все-таки жнуть. Тогда перестанутъ, когда снѣгъ завалитъ хлѣбъ. Тогда начнутъ возить снопы, а молотили посредишѣ зимы, когда вѣдро. Были овины; въ этихъ овинахъ сушили снопы и молотили. Тогда молотили не за деньги, какъ теперь, а одинокіе—взаймы. Сначала обмолютъ одному, потомъ другому, а женщины бѣдняжки весь день молотятъ; всю ночь прядутъ. И пряли не такъ (какъ теперь), не пряжами съ плясомъ, а веретенами. И керосину не было тогда; тогда сиживали при лучинахъ; и спичекъ не было. И печки были не такія; не кирпичныя, а прямо глиняныя; бьютъ собьютъ (глину)—и печка, а трубъ совсѣмъ не было; жили такъ (безъ трубъ).

Tāχtirīñā pača·t āšt ka·nīkšñā, a kizna· a te·lñā, dy pa·
 čat oušā ara·silt. Mīrdīnīñ li·sā, god vā pu·lysa jakā, čo·ka kaññā,
 a mājļā čačtamyzynza čokóftu·ma jakā, a kyda· ča·čtā, šesta
 prázy·nza šlyga·n butā. Kyda· ča·čtā pe·rvoj, ājdīnt lā·mđasyž,
 purna·syž ka·fty pe·lđēñ rodña·st vāši, tāji·t šfīni·jat i karmī·t
 gulā·jama. Gulā·jit gu·lājit, mājļā karmī·t kaša·s kaja·ma: āt·
 vā·χki zba·baj lomañis¹⁾ jaly groš kajā, a očačtyčās karmī·kazñi·
 mist, kiñi·ñ ruča·, kiñi·ñ pana·r, kiñi·ñ por̄kst, a malači·ksny·
 nīñ ru·čat pa·nart i por̄kst panart, a ko·nat šedī vāpā·lā ne·ne·ñ
 na·rdamyst, a rodña·ñ raskiñ ājdī·sty konat kudga·t, kiñi·ñ pi·
 li·kst, kona·nīñ krost, a biđi pokš tā·χtiť, ne·ne·ñ surkst.

A šediki·lā kyda·putyť ku·da; biđi lomañiñ ta·šta ku·dyza
 ara·sil, to tāji·t jurta·va. A tājñi·št vo·t koda. Pruñi·t vāt sodē·ča
 ba·biñit, muji·t tolkā·ŭ, saji·t rauža sa·raz, ka·rdaz ku·nčkas tā·

1) zba·b'i lomañis.

Дѣвушки не носили платковъ, ни лѣтомъ ни зимой, да плат·
 ковъ совсѣмъ не было. Выйдетъ замужъ, въ теченіе года ходить
 съ одной косой, носить кисть, а послѣ того, какъ родить, ходить
 бозъ кисти, а когда родить, тогда надѣнетъ на голову шлыганъ.
 Когда родить въ первый разъ, окрестятъ ребенка, соберутъ
 всѣхъ родственниковъ своихъ съ обѣихъ сторонъ, устроятъ кре·
 стины и начнутъ гулять. Гуляютъ - гуляютъ, потомъ начнутъ
 бросать въ кашу: каждая чета бросаетъ по грошу, а роженца
 начнетъ ихъ дарить, кому руцю, кому рубашку, кому штаны, а
 близкимъ руцю и рубашку, штаны и рубашку, а тѣмъ, кто болѣе
 далеки, полотенца, а дѣтямъ родственниковъ, которые (остались)
 по домамъ, кому серѣжки, кому крестъ, а если взрослые дѣ·
 вушки—то тѣмъ кольца.

А въ старину, когда поставятъ домъ, если у хозяина не было
 стараго дома, то сдѣлаютъ юртаву. А дѣлали вотъ какъ. Собе·
 рутся ночью знахарки старушки, найдутъ камень, возьмутъ чер·
 ную курицу, выроютъ въ серединѣ двора ямочку, въ ямочкѣ за·

ji-t ja-miñä, jamiñiñfi päčksy-ž še sa-razyñt, nolda-syž väri-nža tožén; nolda-msta korté-t ozné-t: «čacy-za oc äricäñiñ od jurta-va, uli-za loma-ñiñt vídga pa-ra i skote-nanža ví-dga i karda-zganža. Eija- jurta-vat našméž tájñiñä¹⁾, skote-nanža kola-ma ilaza no-lda, soñé kak loma-ñiñt ila-za jaka-; ära-za soñcéñ karda-jsa, uza-žuvaza soñcéñ karda-jsa, soñcéñ skotenanza mä-lga; skotenaš uli-za va-dra, rašta-zy lama, a vot miñ täñzy pu-ttana kšysal i syvi-ñä i väłkskä- i čéñä-ųkskiť. I vački-t še jama-ñti väriñt lañks kšysa-l i čéñaukst i lofey- i vä-lks i sajsy-ž vélta-syž še tol gūšyñt. «Mäžä mäjlä ti-sä šeñ äjsta?» käųkstiñä mon mon jofñe-čäñt. «A vot mä-ži: jurtava ča-čä še väriñt ä-jsta». — «A ko-dama son?» — «Da raži ton äži-t marčä?» — «Marči-ms mon marči-ñ, nu äži-ñ ñe-kšñä». — «E, dy ton ñekšñeñlet! sonža avyť ärväųkiš ñesè-j, a bidä ıočeš ñeje-menza, to Ivankupalyñ ka-rča, oza-k izama-luı

1) muskyl'ama.

рѣжутъ ту курицу, выпускають туда ея кровь; выпуская кровь, говорятъ и молятся: «да родится у новаго жителя новая юртава, да будетъ она доброй по отношенію къ хозяину и къ его скоту и къ его двору. Пусть не позволить другимъ юртавамъ дѣлать на смѣхъ, портить его скотину, и пусть сама она не ходитъ къ чужимъ людямъ; пусть живетъ въ своемъ дворѣ, ухаживаетъ въ своемъ дворѣ, за своею скотиной; пусть скотина будетъ хорошая, пусть много плодится, а вотъ мы ей положимъ хлѣба соли и мясца и сливочекъ и выжимокъ¹⁾». И кладутъ въ эту яму на кровь хлѣбъ-соль, выжимки и молока и сливокъ и возьмутъ покроютъ то кремнемъ. «А что потомъ изъ того выйдетъ?» спросилъ я у моего рассказчика. «А вотъ что! изъ той крови родится юртава». — «А какова она собой?» — «Да развѣ ты не слыхивалъ?» — «Слыхать то я слыхалъ, но не видывалъ.» — «Э, да ты ее могъ бы увидѣть! ее

1) Разнаго рода мелкое обрѣзное мясо, изъ котораго растоплено и выжато все сало.

i vant ala·šat laŋks. Son konań věčksě·j i ufa·dasyj, ģriva·nza jak kodasy·j, koromynza jak vītey·j; a lija·jurta·vaš saly dy anda·, a kona·ń a vē·čksěj, šeń pulynza jak tarkši·syj, ģrivanzy jak tarkši·syj, a biđā azyryš ańi·syj, kunst očks kak kajši·syj». — «Mon, đeda·j, vanu·uľiń, dy moń ala·šam vāχki ja·k ara·š; stala byť¹⁾, moń jurtavam gak ara·š. Koda ža son mońdā·ń·neje·ms?» — «Son i maŋa·ms mo·žna; biđi koda·my jak tāt beda· uľā, son la·jšymā karnā·, a biđā kežēnzy safcyť, son škīfa·tanzat». — «De·daj, a kyda· lo·mańiš kudy·nzy mīsyj āli polafcyj, koda žy še jurta·vaš marynzy tujā· āli tosk ka·duvā». — «Da ara·ždā možna jurta·va tosk kadu·ms tašta ta·rkas; senzy iķilij gak tārēi·ž». — «A biđā atārēiž?» — «Dy vot māšt: moń dāt avy·l kelesa āli kodaja·k jof·ne·sa; mońdāń baba·m jo·fnežā:

«Synct titāngu·ca tāti·đist palēt i puēt li·ja ta·rkas ku·da,

1) vadat.

не всякій увидить, а если ты хочешь ее увидѣть, то ты, накупѣ Ивана Купалы, сядь подъ борону и смотри на свою лошадь. Она (юртава) которую (лошадь) любитъ и вычислитъ ее и заплететъ ей гриву и поправитъ ей кормъ; а другая юртава крадетъ и кормитъ; а которую не любитъ, у той и хвостъ оборветъ и гриву вырветъ, а если хозяинъ не продастъ ея, то опрокинетъ даже ее спиной въ колоду.» — «Я, дѣдушка, посмотрѣлъ бы, да у меня нѣтъ ни одной лошади; стало быть, у меня нѣтъ и юртавы. Какъ же мнѣ ее увидѣть?» — «Ее и услышать можно; если у тебя какая нибудь бѣда, она начинаетъ вопить; а если разсердишь, то она тебя оцпишетъ». — «Дѣдушка, а если хозяинъ продастъ свой домъ или промѣняетъ его, то какъ юртава — уходитъ ли съ нимъ или остается тамъ?» — «Да развѣ можно оставить юртаву тамъ на старомъ мѣстѣ: ее позовутъ сначала». — «А если не позовутъ?» — «Да вотъ что: я расскажу тебѣ не по слуху или не какъ-нибудь; мнѣ рассказала бабушка моя слѣдующее:

«Въ родительскомъ домѣ сгорѣли ихъ родители, и они поста-

a putumazy·nza äřšť tesk zemlaŋki·ńisa. Mäjlä usksiz kurmy·st karmy·st; alašast va·dřat. Sašt osta·tkada, oza·fńiz äjdi·st, proš·čäst ta·rkant mařta i syrga·št. Nö! Alašaš no·ck, a·syrgavä, tagy·no·ck, ta·ga a·syrgavä. Vačkydiz ala·šänt, sa·žynčka molč, lotkaš. Mäjin tala·ŋ? Karma·fťyzä ava·nt pańimä, a sońc uda·lda vanu·ma. Va·nä, čaryji·nza avela·fńivit. Šärgičť sodě·ča ba·bińit; net sra·zu¹⁾ fatäšť. «Dy ton ju·řtavat sajik?»—«Araš».—«Dy mäks?»—«Dy mon kosta sajsä·». —«E·ka glu·pyjat²⁾, dy ton eńa·ldyž eńal·duńlik, řärdiz řärdińlik; son tońdedet i·kilij mo·leveľ». —«Dy nej mäšť täjńims?»—«Mäšť xočeš, nej tä·jńik». Loma·ńis³⁾ ta·ndač, karma·š eńa·lduma bańińitńi·ńiń, a syń i meřet: «nu vot mäšť tä·čť; kilda·k trojka, dy karma·k a·vařđimä dy řärdimä ä·synza, a miń toža karma·tana laćiminzä». Te pra·vdyj karma·š eńa·lduma. «Jurta·vińiń końmeńećkeńem, upro·stamak, kořmaj; mon od lo·ma-

1) šesk. 2) čavyřřevat. 3) lomańe.

вили домъ въ другомъ мѣстѣ, а до окончанія постройки жили здѣсь въ земляночкѣ. Потомъ они перевезли домашнюю утварь; лошади у нихъ были хорошія. Приѣхали они въ послѣдній разъ, дѣтей посадили, простились съ мѣстомъ и тронулись. Но! Лошадь дернетъ, не трогается впередъ, опять дернетъ, опять не трогается впередъ. Ударили лошадь, прошла она съ сажень, остановилась. Что за оказія? (Отецъ) приказалъ матери погонять, а самъ сталъ смотрѣть сзади. Смотритъ, колёса не вертятся. Позвали знахарокъ старушекъ; тѣ сразу поняли.—«Да ты взялъ свою юртаву?»—«Нѣтъ». —«Да отчего?»—«Да я откуда возьму ее?»—«Эка ты глупый, да ты усиленно просилъ бы ее, усердно позвалъ бы ее; она впередъ тебя пошла бы». —«Да теперь что дѣлать?»—«Теперь дѣлай что хочешь». Мужикъ испугался, сталъ упрашивать старушекъ, а онѣ и говорятъ: «ну, вотъ что сдѣлай; заложь тройку и начини плакать и звать её, а мы тоже будемъ уговаривать». Этотъ въ самомъ дѣлѣ сталъ упрашивать: «юртавушка, кормилица, прости меня, кормилица; я человекъ молодой,

Von mon dät äzi·n jö·fnä: koda· od godén ka·rča jaksišt ki·vi·sa kajši·mä, kolmy Ki u·lys kulcynu·ma, ceřkova kähkš la·ŋks vamu·ma, piri·s koló·zén targa·ma. Liši·t pa·kšas piri 'daluŋ i ko·sé kiš jä·vi i tej i toŋ, ko·lmoŋ, šezé·n mo·let čere·n stra·ftyž, karkstu·ma, křosto·ma; pryť päki·škä laŋks; koŋ ga·k ava·nyť i přast a käpsisyž i kulcy·nyť. Bidä go·dēs para u·lä, še·sta mařävä čyky·rf, prok pulft uskiť, a bidä beřän, kaldyrf mařävä, prok kougak ardy·cat. A bidä kulu·ma ska·lyn u·lä, šesta skałt pary·ť, a bidä čumbra· go·dēs ulä·, šesta skałt kečkeřet, a bidä lomafiñ kulu·ma ulä·, lajšy·ma mařävä, a bidä kuluma au·lä, morē·cat mařäviť. — «A kulu·mat ärči·št šedi·ki·lij, dēda·j?» — Ena mäzä, i skaly·n i tuvyn i loma·fiñ. Dy ton ilä· doñä·, mon dät mäjlä žardy jak jofnesén, a nej vot kulcy·nyk, koda· koló·zén targa·ma jakši·št. Molet piri·s, ode·neja va·kss, i päjsa targi·ť o·lgeñä i tuji·ť mary·nza i varča·syž. Bidä ko·lózēs peškšä, to šén z baři ära·msta väšimi ta·rkaza ulimi karmiä· peškšä, a bidä

Вотъ я тебѣ не разскажалъ, какъ наканунѣ Новаго года ходили лить свинецъ, слушать на распутии трехъ дорогъ, смотрѣть въ церковныя двери, выдергивать колосья на гумнѣ. Выйдутъ на поле за гумна и гдѣ дорога расходится и туда и сюда, въ три стороны, туда придутъ съ распущенными волосами, безъ поясовъ, безъ крестовъ; упадутъ ничкомъ; никуда не смотря и не поднимаютъ головъ и слушаютъ. Если годъ будетъ хорошій, тогда слышится скрипъ, будто везутъ снопы, а если плохой, то слышится грохотъ, точно куда-то скачутъ. А если будетъ моръ на коровъ, тогда ревутъ коровы, а если будетъ здоровый годъ, тогда коровы стучатъ рогами, а если будетъ людской моръ, слышится вошь, а если не будетъ мора, слышно какъ поютъ. — «А въ старину, дѣдушка, бывали моровыя повѣтрія?» — Какъ же, и коровы и свиньи и людскія. Да ты не приставай, я потомъ тебѣ когда-нибудь расскажу, а теперь вотъ послушай, какъ ходили выдергивать колосья. Пойдутъ на гумно къ одонью и зубами дергаютъ соломинку и уйдутъ съ нею и разсматриваютъ. Если ко-

ko-lózés čava, to bednè-jsta āra·ma karmī·t. A ceřkovavakss
jaksī·št vanu·ma, vāṣṭi vāṣṭi lo·mañ ary· i vanā·. Kīñ né·jā
juta·myda va·kska, še te go·ctēnt ku·lā. Mīñi·k paṭa·m išta ja·
kaś vāšt. Vany, lomañ sy āzynza, vany·va·ny lo·mañiñti, a lo·ma·
ñiś soñć. Tanda·ć i napy·štaś kudu·ṇ. Saś i jofta·ś ava·ñiñ. Soñć
praś sēre·dēmā i kuly·ś.

Mīñik vā·lisa, biḍi loma·ñiś ača·čnā, še pek mēla·ftā. Mukṣnu·
vit ištatt ba·bat; mon zoda·n vāṣṭkā, mēñet tānza Laba·n baba.
Son mašty tājñiñā, mon pek parētā so·dasa·. Son tā·jā čapa·ksyñ
ña·ka, še byta āṣṭi, i molet pelevāt ačačñi·ća a·vañt maṭa lej
ṣy·ris. Ava·ś pry ko·maḍa, karkstu·ma, křosto·ma, čēre·nza no·l·
daž. A baba·ś karmā· māšt bi·dā toška·ma. To·škā·to·škā, puṣṣā·

лось полный, то въ семейной жизни у него во всемъ будетъ до-
статокъ, а если колось пустой, то они стануть жить бѣдно. А
къ церкви ходили смотрѣть; по одному человѣку стануть и смот-
рять. Кого увидятъ проходящимъ мимо, тотъ въ этомъ году по-
мретъ. Наша старшая сестра такъ пошла однажды. Видитъ, идетъ
къ ней человѣкъ, смотреть-смотреть на человѣка, а человѣкъ-то
она сама. Испугалась она и пустилась бѣжать домой. Пришла и раз-
сказала нашей матери. Сама заболѣла и померла.

Въ нашей деревнѣ, если женщина не родить, то очень ту-
жить. Можно найти такихъ старухъ; я знаю одну, ее называютъ
баба Лабанъ. Она умѣетъ ворожить; я отлично ее знаю. Она сдѣ-
лаетъ куклу изъ гѣста — это будто ребенокъ, и пойдутъ въ пол-
ночь вмѣстѣ съ нерожающей женщиной на берегъ рѣки. Жен-
щина упадетъ ничкомъ, безъ пояса, безъ креста, распустивъ
свои волосы. А старуха начнетъ что-то нашептывать. Пошепчетъ-
пошепчетъ, подуесть-подуесть и скажетъ: «на, вотъ этого тебѣ, а

puššā i mē·rā: «na, vany teñ toñdāt, a mīndāñik makst toñce·t. Mīn toñ ġecta vāšta·na i mīnē toñdāt maksta·na.» Štīt i tu·jīt. Šedī mājļā ava·ś i karmā· čačni·mā. A kona· a·vañt kulci·t ājdi·nza, še vot koda· tājñā. Moļā sodē·ča ba·biñi maṛta pelevāt, tājā čēna·ukst, ara·feyñžā baña ku·nēkas; syñc li·šit, kā·ŋkšys pa·nžada. Vot ava·ś ary űilipilgilayks i karmā udalype·ldā po·taž bañāñti suvama; soñc šta·pa. Suvā· i pača·lgyñt vāļkska. I koda·k pača·lgyšjuta·vā, karmā kiska·ks jarca·ma, a baba·ś aščā· i tārdā: «sada· ode·r·vam maṛta jarca·ma, a mājļā goṛa·nsty maksy·da pomo·ga; uli·st ā·jdiñza ču·mbrat, paṛt». Vot šedīmājļā i karmā· ava·ś čačni·mā, i ājdi·nza žiīt uliñi ka·rñit.

A nalksi·lñik vot koda·. Tāχti·rčñā saji·līt ku·da, šivi·dīlīt nudjys mo·reča, i še ku·cyñt son mo·rēl, a syñ fañ tājī·līt. A vot ro·štovañ garča, kaladañ čy·styñt, at nej mēref soče·lñek,

намъ дай своего. Мы просимъ у тебя и сами мы даемъ тебѣ». Встануть и уйдуть. Послѣ этого женщина начнетъ рожать. А у которой женщины дѣти умирають, та вотъ что дѣлаетъ. Она пойдетъ со старушкой знахаркой въ полночь, сварить солянку, поставитъ ее посреди бани; сами онѣ выйдуть, а дверь отперта. Вотъ женщина становится на четвереньки и начинаетъ, пятась задомъ, входить въ баню; сама она нагая. Войдетъ, (переступивъ) и черезъ сковороду. И когда она минетъ сковороду, начнетъ ѣсть по собачьи, а старуха стоитъ и зоветъ: «идите кушать вмѣстѣ съ молодухой, а потомъ дайте помощь ея горю; да будутъ ея дѣти здоровыми, хорошими». Вотъ послѣ того и начнетъ женщина рожать, и дѣти ея будутъ жить.

А игравали мы вотъ какъ. Дѣвушки брали избу, нанимали играющаго на тростяхъ пѣсенника, и въ той избѣ онъ игралъ, а онѣ работали (свою) работу. А вотъ наканунѣ рождества, въ день

a ja·rečt mǎždī·jak čop; a še·sta avy·l išta ulni·ś: tǎχtīrǎnǎ še
čystynt gula·jilt, jarečlt sy·vildǎ i sy·viliht mařta·jaks·ilt raškist
laŋga; ki·niht zyř, kava·niř, a syŋ vīna řǎst maksy·ř. Išta·rořtova·
vasty·ř; išta godē·ś pařčǎ ju·taza, řesela·sta i čumbračysta; a roř·
tova·stynt čop·čop řǎχtīrǎnǎ morčef, ulča kunčkasa, a jakša·myřnǎ
ko·datt ulni·řt, a syŋ pačaftu·myř, čere·st natyj a·řyt ojme·
ko·kšsēŋte, a čama·st prok ja·křtīřǎ řǎř, a keče·st prok to·l balǎ,
i řřt sēřelǎ jak, a prostu·da řǎmiht monga·k avyř umy·k soda·
mynza karīni·ŋ; iki·lǎ te arařil valy·ř.

Buala go·tnǎ moŋ po·mŋamga kona·robō·tama ama·řtuřǎ,
šeŋ kařt praksta·t ara·řilt; sodak, kǎmiŋ goc kīŋgak ara·ř, řǎř
ke·řǎ řeleŋe·k kizyŋi·k, a čora·tnǎ urvakstu·myzyst pořksto·ma
jaksī·řt.

коляды, а теперь его называют сочельникомъ, не ѣдятъ ничего
весь день; а тогда было не такъ; дѣвушки въ этотъ день гуляли,
ѣли мясо и съ мясомъ ходили по роднымъ; къ кому придуть, уго·
щаютъ, а они даютъ имъ вина. Такъ встрѣчаютъ рождество; такъ
да пройдетъ годъ отлично весело и здорово; а на рождество дѣ·
вушки поютъ цѣлый день по срединѣ улицы, а какіе бывали хо·
лода, а онѣ безъ платковъ, волосы даже побѣлѣютъ отъ (ихъ) ды·
ханія, а лица ихъ точно красная кровь, а руки ихъ точно огонь
горитъ, и даже не хварывали, а слово простуда и я недавно сталъ
знать; прежде не было этого слова.

Въ былые годы на моей памяти у того, кто не годится (по
малолѣтству) работать, не было ни лаптей, ни портянокъ; знай,
что всякій, кому нѣтъ десяти лѣтъ, ходилъ босой всю зиму и все
лѣто, а парни ходили безъ штановъ до женитьбы.

Dy še-sta urva-kšništ kak avyl' išta.; godē-nza kāmzi-šimǵā, a popō-s ave-nčā: «učyk, kelā, ža-rdy kāmga-ŋksuva to-pōdet, a bidā au-čat, a-ži aržire-jneñ». Syn jožo-ft; soñdānza makst, son dāt šorma-dā šorma; da ažā toŋ eščo usk. Še-sta mo-žna, še-sty me-řet. A še-sta — ton Le-kyriŋkañ soda-syf? — synet deda-st ulñi-š pop, miñik tašty čerškova-synt. Še-neñ vot koda.: koda-k četveřt vi-na, dy tulā-ŋks godo-ŋ dvuŋ, dy ma-čij, i kāmgo-tova go-ca u-řvakšniš. Mon moñc kāmgotova go-ca urva-kstufan, a tāfa-m kāmgaftuvysa. Dy ton Lova a-tānt pomña-sak? — «E-na mā-zā! čāj tac ā-riñik». — Nu vot son toža kāmga-ftuva go-ca u-řvakstuf. Son joñie-š moñdāñ. Dy son me-řc, baba- fānza sajšt komšši-šimǵā go-ca. Mon sedī oda-n, a baba- saji-ñ komš ka-ŋksyva go-ca. Sediki-lā komšvā-tijā gotta ikilā i āšt maksñi jak i āšt sa-jiñi jak; te sa-maj od neve-sta.

Да тогда и женился не такъ (какъ теперь); семнадцать лѣтъ ему, а попъ не вѣнчаетъ: «жди, говорить, пока не исполнится во-семнадцать, а если не будешь ждать, то иди къ архіерею». Они хитрые; дай ему, онъ тебѣ напишетъ письмо, да ступай еще отвези туда. Тогда можно, тогда разрѣшать. А тогда — ты знаешь Лѣкаревыхъ? — ихъ дѣдъ былъ попомъ, въ старой нашей церкви. У него вотъ какъ (было): если четверть вина, да поросенка годовъ двухъ, да гуся, онъ вѣнчалъ и шестнадцати лѣтъ. Я самъ женился шестнадцати лѣтъ, а отецъ мой двѣнадцати. Да ты помнишь старика Леонтія? — «Какъ же! чай мы рядомъ жили». — Ну вотъ, онъ тоже женился двѣнадцати лѣтъ. Онъ мнѣ сказывалъ. Да онъ сказалъ (мнѣ), что ему взяли бабу двадцати семи лѣтъ. Я очень молодой, а бабу взялъ двадцати восьми лѣтъ. Въ старину раньше двадцати пяти лѣтъ и не отдавали и не брали; это самая молодая невѣста.

Vot koda·mín šedikilä počt täjiniik. Ko·neklaŋksa ärci·št jaža·ma käft. Vāŋki·š ala, a ombóceš laŋksa; laŋksy·ntiñ šulma·f pa·lka, a palka·nt o·mbóce pä·za šulma·f po·tolyks; vércä kängyñt va·ra; še va·rāñti kaji·t šu·ra i še pa·lkadyñt karmi·t čara·fñiñ, i šury·š ne kã·fñiñ ju·tksa jaža·vã i lišã·krugo·m ne kã·fñiñ ju·tkuva koñe·keñt la·ŋks. Vot net ulñišt počtē·nek.

Ñej ñesa·k, avanyk koda avatñä äri·t. Ramak täst kručoŋka, ramak täst sapy·ñ, ramak täst gary·z, rama·k täst kryžy·vat, rama·k täst iki·lgapača, ramak täst šurkst, ramak täst pili·kst; a šediki·li mazi jak täst ara·šil, a ko·tat, a kolē·šat. Míñ vot koda äri·nik: vídita·na muška i ava·tñiñiñ kodē·leñek käft; mājla·son koda·so·dã išta i zabo·tä; miñik pe·ldã mazi·ja·k ila kãñksñä, a miñdã·nik dava·j i poŋkst i pana·rt i praksta·t i vaŋga·t i čulka·t i ofcena·nyk kak täji·t i tundy·ñ nujima·nyk kak nuji·t; i

Вотъ какъ мы въ старину добывали муку. На кровати были жерновые камни. Одинъ внизу, а другой наверху; къ верхнему была привязана палка, а другой конецъ палки былъ привязанъ къ потолку; въ верхнемъ камнѣ дыра; въ эту дыру насыплютъ зерна и начнутъ вертѣть этой палкой, и зерно мелется между этими камнями и выходятъ со всѣхъ сторонъ изподъ этихъ камней на коникъ. Вотъ это было нашей мукой.

Теперь посмотри, какъ женщины живутъ безъ заботы. Купи имъ кручонки, купи имъ мыла, купи имъ гарусу, купи имъ кружевъ, купи имъ передникъ, купи имъ кольца, купи имъ серьги; а въ старину у нихъ ничего не было, ни ботинокъ, ни галошъ. Мы вотъ какъ жили: посѣмъ коноплю и сплетѣмъ женщинамъ лапти; а потомъ она какъ знаетъ, такъ и промышляетъ; отъ насъ пускай не спрашиваетъ ничего, а намъ давай и штаны и рубашки и портянки и варежки и чулки и даже овчины огъ намъ надѣлай и ве-

ä-jdīt kak orčē-t i tāχti-rit kak anyksty-k. A any-kstamytnā pek lamy āraust. Kodak čy-jasyž—kaznit, koda-k ma-kscyž—kazni-t, koda-k ra-štā—kazni-t. Vot māks kua-é i ārci-kšnyšt tāχti-fks. Ton toné duńnik, loma-nis právi-jat, žary ārāvā any-kstams tāχti-rińfi, dy duńnik žarda any-kstams; vėd ava-s mary-nyk nuji. Kizyn-bāft, pifcā. telenbāft; sola-fnima la-rga pifcums nelža, son koct kodā; a vot du-maka, žardy son šcy-rdā? Vėd mušky-s a-ārā-vā any-kstams; vašna- targa-ms, mā-jlā naksa-ftums, mājlā čalga-ms, mājlā tombams, a mājlā šcyrdi-ms; dy kudyń tāvi-t ka-k tāji-k¹⁾: ušt-java-ft, sara-zyt tuvy-t andy-t. Še-sta ava-tñā i-šta āfāšt: šcyrdi-msta āšt ma-dñā, a šcyrdā-šcyrdā i ma-fidivā o-zada; a Tija-n eščo- ājdi-nza za-ryja; kāniīt krugo-m. Ne tāfni vā-si synet ulni-št, i čora-tñiń la-myl dāvi-st. Telenbāft usksi-tana, a kizyn-bāft paksa-sa robōta-tana. A ođe-řvanyk, kona-n sa-jsyž, ata-fynza

1) tāji-t.

сеннюю жатву намъ сожни, и дѣтей твоихъ она одѣнь и дочь твою она снаряди. А снаряженіе требовало очень многого. Какъ только просвѣтають — дарять, когда отдадутъ — дарять, когда родить — дарять. Вотъ почему и жили долго въ дѣвкахъ. Ты самъ подумай, человекъ ты смышлѣнный, сколько надо приготовить дѣвущекъ, да подумай, когда приготовить; вѣдь женщина жнетъ съ нами все лѣто, молотить всю зиму; во время оттепели нельзя молотить, она ткеть холстъ; а вотъ подумай, когда она придетъ? Вѣдь коноплю надо приготовить; сначала дѣргать; затѣмъ сгноить, затѣмъ смять, затѣмъ столочь, а ужъ потомъ прясть; да дѣлай (при этомъ) твое домашнее дѣло: топи печку, корми куръ и свиней. Тогда женщины жили такимъ образомъ: при приденіи не ложились, а попридѣтъ она попридѣтъ да заснѣтъ сидя; а у другой еще много дѣтей; поспѣвай вокругъ. Эти дѣла были всѣ ихъ, а у мужикамъ было много своихъ дѣлъ. Всю зиму мы возимъ, а въ теченіе всего лѣта работаемъ въ полѣ. А молодушка, которую у насъ возьмутъ замужъ, не увидитъ своего свекра босымъ въ те-

kepi·pilgi·nza kolmy gott a·ne·señžä. I ode·rvas rašta·my·zynza
stolekšc a o·jsä, a šta·dy ja·rcä; ärvä·χkiñiñ šimi·ms kandä i
jarca·my kãñi·řiza.

Esčo miñik narodënek pek pälit šälmidimada i teñ kuvalma
miñik ulit lama karča meřemanyk. Prymer. Bidä lomañis täť
meřä: «eχ, koda ton spravit», äli «koda ton šupalgadyt», äli «ko-
dama äjdit vadřa», väši neñ karča meřnet miñisunyks. Ki meřä:
«mykryzyn šälmnit, väcizyn päjit», ato: «psi žart šälmizyt, pičä sart
mykryzyt», äli:» tfu! käřt čovort šädijizyt, šišim pakšan kotkō-
dařt šälmizyt čamazyt». A bidä ki meřä šognomsta: «na, mykrym
palyk», šeñ karča meřnet: «čučñä mykryzyt, daj Vospodī, ulist»,
ato: «vär apara orma mykryzyt».

чение трехъ лѣтъ. И молодуха, пока не разродится, не садится за
столъ, а ѣсть стоя; каждому подаетъ пить, а ѣсть пусть поспѣ-
ваетъ.

Еще народъ нашъ очень боится глазу, и отъ него у насъ много
встрѣчныхъ словъ¹⁾. Напримѣръ. Если человекъ скажетъ тебѣ:
«эхъ, какъ ты поправился», или «какъ ты разбогатѣлъ», или «какъ
хорошъ твой ребеночекъ», все напротивъ этого говорятъ повсечески.
Кто скажетъ: «глазъ твой мнѣ въ задъ, зубъ твой мнѣ въ калъ»,
а то: «горячіе уголья тебѣ въ глазъ, сосновыя иглы тебѣ въ задъ»,
или: «тьфу! камни и пеньки тебѣ на сердце, муравьи съ семи по-
лей тебѣ въ глаза и въ лицо». А если кто скажетъ въ ссорѣ: «на,
поцѣлуй мой задъ», то въ отвѣтъ на это говорятъ: «дай, Господи,
чтобы у тебя въ задѣ были францы», а то: «тебѣ въ задъ (бо-
лѣзнь) ракъ».

1) Т. е. такихъ которыми можно сглазить.

Vospodi Pas čargyt, čoksneñ zoŕa Maŕija, valćkiñ zoŕa Daŕija, vanumak, Vėŕėpas, koŕmeñeć, ilamak makst koŕmeñećkeñ, dušman lomañiñ sāvims, oža šālmiñiñ šālmiñdīms, piža šālmiñiñ osōdams, ėur Pas čargyt, ėur aminiñ, ėur aminiñ¹⁾.

Kodak vasydīt kafta lomatt, i biđā vāŕkiš karmā dīvama ombōceñt laŕks i biđā meŕā, koda ton spravīt, ila kodama ājdīt vadŕa, šesta ombōceš meŕā: «tfu! kāft ėovōŕt šisiñ pakšan kotkōdaft šālmiñyt ėamazyt, (ila:) vāćizyn pājit, mykyryzyn šālmit.

Kalmalaŕgyñ oznoma. Suvamsta meŕā: Pokšċat babat, roditiļf pravīdnyŕt ŗlist ċañfiŕk; satana tāŕk lāzyñ poļga mālga, meñkseñ sētks mālga. Mājlā mōlā še kalmyñt laŕks, konañ ājsa šeft iķilij

1) Эту молитву читають на сонъ грядущій старухи для ограждения отъ душмана (губителя) и глаза.

Господи, Боже помилуй, вечерняя заря Марія, утренняя заря Дарья, охраняй меня, Всевышній кормилецъ, не отдавай меня, кормилецъ, на съѣденіе дурному человѣку, на сглазъ желтому глазу, на осуду зеленому глазу, чуръ, Боже помилуй, чуръ аминь, чуръ аминь.

Когда встрѣтятся два человѣка, и если одинъ начнетъ смотрѣть на другого и если скажетъ, какъ ты поправился, или какъ хороши твои дѣти, тогда другой скажетъ: «тьфу! камни и пеньки и съ семи полей муравьи тебѣ на глаза и на лицо», (или:) «твои зубы на мой калъ, твои глаза на мой задъ».

Моленіе на могилахъ. Входя (она) говоритъ: Дѣдушки бабунки, праведные родители, да будутъ ваши милости, мы приходимъ къ вамъ за пользой и исцѣленіемъ, за перемѣной и облег-

kalmaf syřä lomań, prápäzynza aščä stolešńek (od koct), koctěńf lařks putä zakuskińif, mädńä, sajä groškä i karmä äjsynza kyrgama, a kyrgamsta karmä eńalduma še kalma azyryńfi. Meřä: Kalmyń ušydyj Tuma ata i pižä äřt Kirej, vāšńida ištama lomań, šta lāzyn polgań vāšńića, lāzyn polgań tujića, meńksěń sěťksěń maksyća.

Mäjlä taga meřä: «Pokščat babat, uliza čańfiřk, uliza mily-šfiřk. Vana syńik, vana (lām sėredecāńf) mařta, lāzyn polga mālga, meńks sěťks mālga. Mājsta saś, mājsta ulć? Moža saś šumsta, moža saś zdorcta, moža štamsta pramsta, beřań valyń me-řemsta. Vana, kořmeńeć, syńik, vana, kořmeńeć tyřk lařks pi-điń pańiń strāpńanyk mařta, ranań piščanyk pojlanyk mařta, aša skaterynyk mařta, maksyda (имр.) uproščěńija». Mäjlä säusyńǵa i meřä: «Pašiba pašiba meńksěń sěťksěń maksyćańiń, lāzyn sěťksěń tujićańiń. Van tǵařk, kořmeńećken, kyrgan ponda pižä ponda šija,

ченіемъ. Потомъ она идетъ на ту могилу, гдѣ всѣхъ прежде похороненъ старыи челоѣкъ, постелетъ со стороны головы столешникъ (новый холстъ), на холстъ положить закусочки, медку, возьметъ грошникъ и начнетъ имъ ширкать, а ширкая начнетъ просить хозяина той могилы. Скажетъ: Положившии начало кладбищу, Тимоѣей старикъ и малое дитя Кирей, ищите такого челоѣка, который ищетъ пользу и испѣленіе, приносить пользу и испѣленіе, даетъ перемѣну и облегченіе.

Потомъ опять скажетъ: «Дѣдушка, бабушка, да будетъ ваша милость. Вотъ мы пришли, вотъ вмѣстѣ съ (имя болящаго), за пользой и испѣленіемъ, за перемѣной и облегченіемъ. Съ чего пришло, съ чего стало? Можетъ быть, пришло съ шума, можетъ быть, пришло со вздора, можетъ быть, со вставанія и съ паденія, съ произношенія дурного слова. Вотъ, кормилецъ, мы пришли, вотъ, кормилецъ, къ вамъ съ испеченными и состряпанными кушаньями, съ раннею пищею и питіемъ нашимъ, съ бѣлою скатертью нашею, дайте (имр.) прощеніе». Потомъ она съѣстъ

vášiniini satfryk, vášiniini ušarfryk; kopejkañ kopejkañ javiřk, deñeškañ deñeškañ javiřk, vášiniini uliza, vášiniini satyza, řazyñ pořañ maksycāniñ, meñksēñ sētkseñ tujicañiñ. «Majřa ċurasy řirasy krugom sēredečānt, kolmōkst šukyñā modas i tujit kudup.

Pas čařgyt, ċurasa řirasa (имр.), šizgāmiñ šisiñ ċur, šizgāmiñ šisiñ amini.

Ežžama. Niškipas čařgyt. Vērepazyñ čačē pērvōj mastyryza, mastyr lařks čačē pērvōj moda slojeza, tosa čačē modañt lařks šovōñ slojeza, Vērepazyñt šovōneñt ājsta řājšt pečka. Majřa Vērepazyñt šovōneñt ājsta řājšt čakš. Vērepazyñt modañt lařks čačē viř. Še viřiñt ājsta kārāšt tumyñ řeñ. Mořa dēduška Mišej užiřinga mařta. Dēduška Mišej, māšt jakat? Dy vot māšt jakan, kārasa te tumyñt i ušca še

это и скажете: «Спасибо, спасибо давшему перемѣну и облегченіе, принесшему пользу и облегченіе. Вотъ, вамъ, кормильцѣ мои, я чиркаю пудъ мѣди и пудъ серебра, сдѣлайте такъ, чтобы всѣмъ хватило, чтобы всѣмъ досталось; по копейкѣ раздѣлите, по денежкѣ раздѣлите, пусть будетъ всѣмъ, пусть хватить всѣмъ, давшимъ пользу и исцѣленіе, принесшимъ перемѣну и облегченіе». Потомъ зачураетъ больного вокругъ, трижды поклонится въ землю, и пойдутъ домой.

Богъ помилуй, я зачурала (имр.) семьюдесятью семью «чурами», семьюдесятью семью «аминями».

Приговоръ. Нишкниазъ, помилуй. У Бога родилась его первая земля, на поверхности земли родился его первый земляной слой, потомъ на землѣ родился его глиняный слой, изъ глины Всевышняго сдѣлали печку. Потомъ изъ глины Всевышняго сдѣлали горшокъ. На землѣ Всевышняго родился лѣсъ. Въ этомъ лѣсу срубили дубовый пенъ. Идетъ дѣдушка Моисей съ топоромъ. Дѣдушка Моисей, что ходишь? Да вотъ что хожу, срублю этотъ

peckańt. Vot koda palä peckasyńt tumyń päńgiś, iśta palyza (имр.) šädijiza (имр.) mälga. Koda lakä Verepazyńt čakšyza, tarka ežeñ a mujä, iśta (имр.) lakaza šädijiza (имр.) mälga. Niškipazyń mas-tyr laŋks čačć eldeza. Niškipazyń koda vašija eldeza, koda eldeś večksä vašynza i praftä mälganza, večkessa i praftyza (имр.) (имр.) mälga. Niškipazyń čačć skalyza (и т. д.)—gul'kiñä — ča-nava — piśmar, — žavronka...

Kälmiŋtima. Inivädińt kunčkasa ostrov, ostrovonť kunčkasa tuma, tumyńt ala stol, stol ekščent iricta lomatt, šiñit, guläjit, väčki väčkist laŋks šavyrkšnyśt, väčkist väčkist äjsa pozoret, tu-myńti šulmaŋt kolma värgist, väčkist väčkist äjsa šežnet noznět. Koda ěe värgisnä väčkist väčkist äjsa šežnet noznět, iśta (имр.) marta šežneza nozněza.

дубъ и истоплю эту печку. Вотъ какъ горять въ печкѣ дубовыя дрова, такъ пусть горять (имр.) сердце за (имр.). Какъ кинить гор-шокъ Всевышняго, не находитъ мѣста, такъ пусть кинить (имр.) сердце за (имр.). У Нишкипаза на землѣ родилась кобыла. Когда ожеребится Нишкипазова кобыла, какъ любить кобыла своего же-ребенка и гонится за нимъ, (такъ) пусть любить и гонится (имр.) за (имр.). У Нишкипаза родилась корова и т. д.—голубка,—лас-точка, — скворецъ, — жаворонокъ, и т. д.

Отговоръ. Посреди большого моря островъ, посреди острова дубъ, подъ дубомъ столъ, за столомъ пьяные люди, пьютъ и гу-ляютъ, другъ на дружку покачнулись, другъ дружку срамятъ; къ дубу привязаны три волка, другъ друга рвутъ терзаютъ. Какъ эти волки рвутъ терзаютъ другъ друга, такъ (имр.) вмѣстѣ съ (имр.) пусть рвутъ терзаютъ.

Tumyńt ala kandyma. «İnivádîñ tombaldä saş baba, kşñiñ şarık kedenza, kşñiñ koşejat pılğınza, kşñiñ palka kecênza vérej kâpîdizä, aluñ vaçkydizä, mastyryn pârît straftyzä komaftyzä. Mäñiñ pârît sän kaçamyks noldézä (имр.) urmanza tarvynza. Şe babaş strafcyñzä kalafcyñzä şumsta safynza, zdoreta safynza i prama tarkañ narfycınza i väd narfycınza i tol narfycınza i varma narfycınza. Şe babaş strafcyñzä, şe kalafcyñzä, şe varma mälga noldasyñzä».

Kortaftuma kardazyñ kuvalma. «Jurtyñ kirdij jurtava, kâññ žočkên Bas, kořmeñec, aščyk kardajsa, vanyť skotenat toñc, aščyk kisyst koşagaks, ärväčkä tarkas čarftimak duşman lomañdä, tolda, čarftimak väşimä tarkas».

Какъ кладуть (больного) подъ дубъ. «Съ той стороны большого моря пришла старуха: желѣзныя вилы ея руки, желѣзныя копы ея ноги, желѣзную палку она подняла рукою своею кверху, ударила книзу, вокругъ земли разложила, опрокинула. Вокругъ неба она пустила синимъ дымомъ (имр.) болѣзни и болести. Та старуха разгонитъ разоритъ притку отъ шума, притку отъ вздора, болести (?), причиненныя паденіемъ, болести (?), причиненныя водою, болести (?), причиненныя огнемъ, болести (?), причиненныя вѣтромъ. Та старуха разгонитъ ихъ и разоритъ, по вѣтру пуститъ ихъ».

Заговоръ насчетъ двора. «Содержащая корень дома юртава, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица, будь на дворѣ, сама смотри за скотиной, будь для нея какъ стѣна, наставь меня на разумъ на каждое дѣло, (ограждая) отъ злого человѣка, отъ огня, наставь меня на разумъ на всякое дѣло».

Šoksna pāčkit žertvaks atakš, kāviņt laņks noldasyž vāriņt. Pāčkimsta mēfā pāčkičās: «Jurtyņ ģirdij jurtaviņim, kāfān žočkēn Bas, koīmeņeckem, toņ lāms pāčkiņā, ašcyk ārvāγki tarkasa ticaņ narmyņiņ ģisa, kardajsy skotenaņ ģisa raštamga rapyndamga». Mājli pīdīsyž, pucyz stollaņks, tājit braga, kāpidīt osks tagy išta: «Pas čaņgyt, Pas čaņgyt, koīmeņeckemat, jurtyņ ģirdij jurtaviņim, kāfān žočkēn Pas koīmeņeckem, vana, pīdīnik paņiņik ašy ked-nesa, čožža mēlnesa, vana, koīmeņeckemat, jurtyņ ģirdij jurtavi- niņ, kāfān žočkēn Pas, koīmeņeckem, pešksā stolņem mařta āran, pešksā stolņem mařta oznan». Sajā kaša čakškā, stoleņt laņa kāpsā i kortā: «Vot jurtyņģirdij jurtaviņim, kāfān žočkēn Pas, koīmeņec, žara kašasyņt jamkskit, šnara makst ārama čy». Mājla saldyrkscyņt tokasy i mēfā: «Jurtyņģirdij jurtaviņim, kāfān žočkēn Pas, koīmeņeckem, žara saldyrkscyņt salnyt, šnara makst šeme- jazynyk čumbraņ paryņ čy». Syviliņt kāpītey i mēfā: «Vana, sarasškā pāčkiņ lāmizyt, Pas čaņgyt, Pas koīmeņec, vana oznētana, vēreļ

Осенью рѣжугъ въ жертву пѣтуха, пустятъ кровь на камень. При рѣзаніи рѣжущая говорить: «Содержащая корень дома юрта- вушка моя, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, въ твое- имя я зарѣзалъ, будь на всякомъ мѣстѣ за птицу, на дворѣ за ско- тину, чтобы она плодилась и тучнѣла». Потомъ сварятъ его, по- ставятъ на столъ, приготовить брагу, поднимутъ моленіе опять такимъ образомъ: «Боже помилуй, Боже помилуй, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, вотъ, мы сваряли испекли бѣлою ручкой, съ легкимъ намѣреніемъ; вотъ, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, я живу съ своимъ полнымъ столикомъ, я молюсь съ своимъ полнымъ столикомъ». Возьметъ горшечекъ каши подниметъ надъ столомъ и скажетъ: «Вотъ, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица, сколько въ кашѣ крупинокъ, столько дай дней жизни». Затѣмъ дотронется до солонки и скажетъ: «Содержащая корень дома юртавушка,

kāpīteynīk keđenēk, mastyrū noldasyñīk šuk prānyk. Vana, kořmeņečekēk, oznētana kuca šemejañ ġis, maksyzat kuca šemejañiñ čumbra paryčy, kardajsy skotenaniñ ra-štams rapyndams. Jurtyñ ġirdij jurtañiñiñ, kāřāñ žočkēñ Pas, kořmeņečekēk, aščyk toñć, kořmeņečekēk, kořagaks». Mājlā lotkeť i kañnit jarcama.

Bidā pry āčť, šukyñafñisyž: «Jurtyñ ġirdij jurtañiñiñ, kāřāñ žočkēñ Pas, kořmeņečekēk, vēčkat jakijdā, vēčkat pakijdā, vēčkat ārijdā aščyjdā, vēčk štīcady pryčady jak. Moža, praš (имр.) langyzyt, moža son tombeñžet, a ton songzy tombek; uprošteķ, jurtañiñiñ, kořmeņečekēk, uprošteķ» (loņnoms kolmōkšt i šukyñafñims).

богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, сколько въ солонкѣ крупинокъ, столько дай добра нашему семейству». Подниметь мясо и скажетъ: «Вотъ, я зарѣзалъ въ твое имя курочку, Боже помилуй, Боже кормилецъ, вотъ мы молимся, кверху поднимаемъ наши руки, къ полу опустимъ поклонныя наши головы. Вотъ, ты наша кормилица, мы молимся, въ домѣ за семейство, чтобы ты дала въ домѣ семейству здоровья, во дворѣ скотинѣ размножаться и тучнѣть. Содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, будь ты сама, кормилица моя, стѣною». Потомъ перестанутъ и начнутъ ѣсть.

Если упадетъ ребенокъ, заставить его кланяться: «Содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, ты любишь ходящихъ, любишь проходящихъ, любишь живущихъ и пребывающихъ, люби и встающихъ и падающихъ. Можетъ быть, упалъ (имр.) на тебя, можетъ быть, онъ тебя ушибъ, а ты его ушибла; прости, юртавушка, кормилица моя, прости» (читать трижды и заставить кланяться).

Bidā lomañiñti sy karča, šesta oznēt kolma paznyñ: Vídā čyn-paznyñ, Sašpaznyñ, Časpaznyñ. Oznēt ištaña:

Stoľ laŋks aščyt stoľšněk, putyt stoľšněkeñt laŋks ištamyža koctkā, štyba vašij tokast koctkeñte. Putyt čumbrakšy, saldyrks, kaša čakškā, kafta šukyrnyt, vāχkiš Sašpaznyñ, ombóceš Časpaznyñ. Mājļā kyrvaštit pazava ugyle čela šveča, a eščo vāχkā kārīt čačk rovnasta i kyrvašcyž kākšyñ kafta bokava i karnit oznoma šveča pātñiñ palums, a oznomsta babiñš arā stoleñt ikilij. Tokasyj čumbrakšyñti meřā: «Vídā čynpas, kormeñec, vídā čy, vídā ki». Mājļā tokasyñžā šukyrnytñiñ i tujā kākšlaŋguu oznoma. Šukynā mastyrūu lamykšt i inaldā Sašpaznyñ i Časpaznyñ. Vāšymsta kořā išta: «Šāspas, Čāspas, kormeñec, paŋžadyñ kākšca vāštana Ivan-nyñ meřksēnža sēksēnža, makst tēnžameñks, sēks, polga». Mājļā kašadyñt pāñčkā sāšy i kārā viška kočomā, sāšy i šukurnytñiñ

Если человеку попритчится, тогда молятся тремъ богамъ: богу цѣлаго дня, богу притокъ, богу времени. Молятся такъ:

На столъ постеляють скатерть, на скатерть постеляють такой кусокъ холста, чтобы всё дотрогивались до этого холста. Поставятъ хлѣбъ, солонку, горшечекъ каши, двѣ лепешки, одну богу притокъ, другую богу времени. Затѣмъ въ божницѣ зажгутъ цѣльную свѣчку, а еще одну разрѣжутъ ровно пополамъ и зажгутъ ихъ по обѣимъ сторонамъ двери и начнутъ молиться до тѣхъ поръ, пока сгорятъ концы свѣчей, а во время молитвы старушка становится передъ столомъ. Она дотронется до хлѣба и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, цѣлый день, цѣлый путь». Затѣмъ она дотронется до лепешекъ и пойдетъ молиться къ дверямъ. Поклонится много разъ въ землю и просить бога притокъ и бога времени. Молясь, говоритъ такъ: «Богъ притокъ, богъ времени, кормилецъ, въ растворенныхъ дверяхъ просимъ для Ивана перемѣны и облегченія, дай ему перемѣну, облегченіе и лѣгость». Потомъ она съѣстъ ложечку каши и срѣжетъ маленькую горбушку,

āsta čutkin sāvā. Mājlā ne ostatkatūnīn ancynžā vāšij ās seme-
jancytj.

Putyt čumbrakšy, kašačakš, saldyrks; kārīt odgoctloskōtkā
nīlī ngylca. Še odgoctkēnt acyž stolēnt kunčkas i čumbrakšynt i
saldyrksynt i kaša čakškiūt i vādōbra arafcyž išta, štyba vāšij to-
kast koctloskōtkēn laṛks; kyrvaštīt kafty švēcat i karmit oznoma.
Sēfēdēcaš pry komada, a oznēcaš karinā loṇnoma. Sajsyj čumbra-
kšynt, kāpītcyj i mērā: «Sašpas, Časpas, Vīdīcyūbas, kōrmēneć,
vany, tāt fejeņek čumbrakšy ašy kednesa, čožža mēlnesa; Ivan
dāt šukyā, šuk prīnā kadā, a ton makst tānza čumbračy, sētkskā
mēnkskā, polga Ieka». Mājlā sajsyj kašačakšynt, kāpītcyj i mērā:
«Vīdīcyūbas, kōrmēneć, vany, žara kašačakšcynt jamkskit, šnara
makst Ivannyū čumbračyt». Mājlā kāpītcyj saldyrksynt i mērā: «Vī-
dīcyūbas, kōrmēneć, žara saldyrkscynt salnyt, šnara Ivannyū makst

сѣсть, и отъ лепешекъ чуточку сѣсть. Затѣмъ эти остатки
ставить всей своей семьѣ.

Поставятъ большой кусокъ хлѣба, горшокъ каши, солонку;
вырѣжутъ лоскутокъ новаго полотна четырехугольный. Тотъ но-
вый кусочекъ полотна постелятъ на середку стола и поставятъ
хлѣбъ и солонку и горчешекъ каши и водицу такъ, чтобы всѣ до-
трогивались до лоскутка полотна; зажгутъ двѣ свѣчи и начнутъ
молиться. Больной упадетъ навзничъ, а молящаяся начнетъ при-
читывать. Возьметъ хлѣбъ, подниметъ его и скажетъ: «Богъ при-
токъ, Богъ времени, Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, вотъ мы при-
готовили тебѣ хлѣбъ бѣлыми ручками съ легкимъ намѣреніемъ;
Иванъ тебѣ кланяется, оставляетъ поклонъ, а ты дай ему здо-
ровье, облегченьце перемѣнушку, пользу лѣгость». Потомъ
она возьметъ горшокъ каши, подниметъ его и скажетъ: «Богъ
цѣлаго дня, кормилецъ, вотъ, сколько въ горшкѣ каши крупн-

čumbraňbaryčyť. Mäjli kăpıtcyj vădınť i mēră: «Vıdıčynbas, kormeneć, koda vădınť kircak vaňksta, ısta Ivannyn gak tăjik vaňksta».

Pıdıt tuvyň bŕa i tăjit čėňapkst i văši rodės purumıt šeť rod bŕemasty i šeť syři baŕıñıs sajsy še tuvyňť prănt i molet jurtavıñ ğăvıñť i văši laňčyť; baŕıñıs i karmă mērėmă: «Jurtyň ğırdıj, jurtava, kăraň čockėň Bas, kormeneć, vana tăt lămizyt păčkıñık tua, i văši prănt kandyñık toňăť, a ăšťăñık măzi ton gadat? A ton mındăñık makst šeñejañť čumbraň paryčy, skofenañtij gak makst čumbraň baryčy, raštast rapyndast». Mäjli čoraś sajsy tuvyň bŕănt i tujă marynza pıčyň gajsa tuvyň garc. A ñet sajıt văši văŕŕă văŕŕă suskumă i tujıt mäjŕă kudga i jarcama i gulăjama.

нокъ, столько дай Ивану здоровья». Затѣмъ подниметь солонку и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, сколько въ солонкѣ крупинокъ соли, столько дай Ивану здоровья и добра». Потомъ подниметь воду и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, какъ ты чисто содержишь эту водицу, такъ и Ивану очисти».

Жертвоприношеніе во время рождества. Варят свиную голову и приготавливаютъ выжимки, и всѣ родные съходятся со всего рода племени, и всѣхъ старшая старушка возьметъ ту свиную голову, и пойдутъ на камень юртавы и всѣ присядутъ; старушка и начнетъ говорить: «Содержащая корень дома, юртава, Богъ сруба, кормилецъ, вотъ въ твое имя мы зарѣзали свинью и всю голову принесли тебѣ, а намъ ты что оставишь? А ты намъ дай для семьи здоровья, и для скотины дай здоровья и добра, чтобы плодилась и тучнѣла». Потомъ мужикъ возьметъ свиную голову и пойдетъ съ нею въ свинной хлѣвъ, находящійся въ сосновомъ бору. А тѣ всѣ возьмутъ по одному кусочку и пойдутъ затѣмъ по домамъ и ѣсть и гулять.

Kočomónt larкса čěnaukst sajít vážtā vážtā, sāusyz i tujit kudup. A tuvyn pránt sajsy syřā babinā i tujā pičyn gajsa tuvyn kardup i karmā oznoma, a kyda oznovā, tujā kudup i karmif kuca obedama. Oznēt išta: «Jurtyñ kirdij, vana kaša čakš, žara ājsynza jamkst, šnara makst tānik para». Sajsy tuvyn pránt i mērā: «Jurtyñ kirdij, vana tuvyn pra, tañtij duž fāt, makst tānik čumbrāy».

Ružgyñ oŋks nēma. Sajit jakstirā suřā i tujit prama tarkañti, a babinis karmā oznoma. Pranza krugum suřint oŋkstasyj i mērā: «Mastyr ava, mastyr pas! makst prazynza prinā, sārizynza sātñā, ružgyzynza ružga, kedñezēnza kedñet, pilgizynza pilginiť, šālmiñizynza šālmiñit, i karmā vašimā uproščēñija. «Mastyr ava, mastyr Pas, uprošteť Oškañ. Oška praš laržyzyť, toñ tombeñžet, oto ton tombeť Oškañ, uprošteť. Moža Oška praš ājdit kakšyť

На горбушку возьмутъ выжимокъ по одному кусочку, съѣдать и пойдутъ домой. А старая старушка возьметъ свиную голову и пойдетъ въ свинной хлѣбъ, находящійся въ сосновомъ бору, и начнетъ молиться, а когда помолится, пойдетъ домой, и начнутъ дома обѣдать. Молятся такъ: «Содержащая корень дома, вотъ горшокъ каши, сколько въ немъ крупинокъ, столько дай намъ добра». Возьметъ свиную голову и скажетъ: «Содержащая корень дома, вотъ свиная голова, сладкій запахъ тебѣ, намъ дай здоровье».

Мѣряніе стана. Возьмутъ красную нитку и пойдутъ на мѣсто паденія, а старушка начнетъ молиться. Вкрутъ своей головы смѣрять нитку и скажетъ: «Матушка земля, Богъ земли! дай на вершину его головку, на ростъ его ростъ, на станъ его станъ, на ручки его ручки, на ноги его ножки, на глазки его глазки», и начнетъ просить прощенія: «Матушка земля, Богъ земли, прости Оспа. Оспѣ упалъ на тебя, тебя ушибъ, и ты ушибъ Оську, прости его. Можетъ быть, Оська упалъ на твоихъ дѣтей, прости

laŋks, nučkat äjdīt uprošteč. Kuvač nčyk šuk piriŋinza, Oškaŋ kuryk maksyk čumbračyŋinza». Mäjlä šukynä i meä: «Pašiba, mastyr ava, mastyr Pas, meŋksēn sētkseŋ maksumazyt, polgaŋ lekaŋ maksumazyt». I tujä, a še suŋiŋt kacy tosk i kadä kšy kočomnä känžiŋiška, kolma jamkskič, kafta kolma salnyč, väčkä komola pŋa, koctloskōtkä da kyrgä groš, šeŋgak tosk kacy, i tuič kuduŋ. Kuduŋ moŋemsta mäkič a vannyt.

Äčč kakšyŋ orōžejama. Äjdīs avaŋt beŋemasa, a orōžejasaŋ karčyzyŋza i sačä kečezēnza päjil i karmä äjdīt äjsa kārčimä päkä laŋga sastynä i karmä loŋnoma: «Niški pas čaŋgyč. Mäjsa saš, mäjsa ulč täŋza, moža saš šumsta, moža saš zdorčta, moža saš jarcamsta, šimimsta, moža saš potaftumsta. Mäjsa saš, mäjsa ulč? Koda te kšniš undyksta taracta jaŋš, išta (чмр.) urmaza

своего внука и дитя. Долго ты ждала поклонной головушки, отдай скорѣе Осипово здорвьице». Потомъ поклонится и скажетъ: «Спасибо, матушка земля, Богъ земли, за то, что ты далъ перемѣну облегченіе, за то что ты далъ легость и облегченіе». И пойдетъ, а ту пилку оставить тамъ и оставить горбушку хлѣба съ ноготокъ, три крупинки пшена, двѣ три крупинки соли, одну верхушку хмелянки, лоскутокъ холста и скобленный грошъ, и тотъ тамъ оставить и пойдутъ домой. Иди домой, назадъ не смотря.

Ворожба надъ дѣтями. Ребенокъ въ рукахъ матери, а ворожея становится противъ него и возьметъ въ руки ножъ и начнетъ скоблить по ребешку вдоль живота потихоньку и начнетъ причитывать: «Нишкиназъ помилуй. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось ему, можетъ быть, случилось отъ шума, можетъ быть, отъ вздору, можетъ быть, отъ ѣды, отъ пия, можетъ быть, отъ кормленія. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось? Какъ это желѣзо отдѣлилось

tarvyza javyza aša ličastynza ponastynza, šādijstynza, šādij gruc-
tynza, vit kārē bokastynza, ojmeū targama tarkastynza. Kolma
ojmenza a mon kārasyn, a mon pāčksyn, Niški pazyū saš loma-
niza, saš mastyr laŋga jakamsta. Še maksā lāza polga, še maksā
meiņks sētks». — Ēe lounoms kolmōkst. Mājla pazaviņisa tokšēsak, i
pānda.

Kudykilij kafty kāhķš jutks arafyt komada par, laŋgyzynza
acyt stolešneķ, stolešneķeūt laŋks acyt koct loskōtkā nīlā uŷyla,
štyba uŷylynza ulist ištamyška rovnasta, štyba vāŷkā jak suīā ko-
najak bokasyūt ilazy ul lišnyj. Mājla še loskōtkēūt laŋks putyt
kšy, saldyrks; saldyrksyūt laŋks štafyt šveča i kyrvašcyz še šve-
čāūt i kona lomanīn laŋks dūmit, še baīnīs i mēā: «Erks Pas,
kōrmeiņec, Oška mēc bēān valynza. Pazyū godaŷ bēān časyza,

отъ ствола и вѣтки, такъ (имр.) болѣзнь пусть отдѣлится отъ бѣ-
лаго лица и кожи, отъ сердца, отъ груди, отъ праваго и лѣваго
бока, отъ мѣста, вытягивающаго душу. Три его дыханія не я срь-
затъ, не я обрѣзатъ, пришелъ человекъ Нишкипаза, пришелъ
послѣ хожденія по землѣ. Онъ дастъ легость облегченіе, онъ дастъ
облегченіе перемѣну». — Это причитывать три раза. Потомъ по-
трогаешь образкомъ, и довольно.

Въ сѣняхъ между двумя дверьми поставятъ навзничъ кадушку,
на нее постелятъ скатерть, на скатерть постелятъ четырехуголь-
ный лоскутокъ полотна, чтобы углы его были такъ ровны, чтобы
ли одна пята ни на одномъ боку не была лишнею. Потомъ на
тотъ лоскутокъ поставятъ хлѣбъ, солонку; на солонку поставятъ
свѣчу и зажгутъ ту свѣчу и на котораго человека думаютъ, та
старушка скажетъ: «Богъ проклятiя, кормилецъ, Осипъ сказалъ
дурное слово. У Бога случилось плохое времячко, а Иванъ слу-
чился при выходѣ или входѣ; прости, Богъ проклятiя, кормилецъ,

a Ivan godaņš lišimsta suvamsta; uprošteķ, Erķs Pas, korminec, makst Ivanny ņenķskā sēķskā, štafķķ, pičkaķķķ, noldēķ ģakama, staka robotaņ robótama. Mājlā šukyniķ kavyniķ i mēreķ: «Pašiba tāķ, Erķs Pas, korminec, ņenķsē ņēķsē ņaksumazyķ. Bašiniķ iķilā oznomsta sēreķēķā ņanar, mājlā saķsy šē panary ņ i makscy sēreķēķā ņi, rauķy ņiķ kajafcy, a te ņ orčafcy. Kaķamsty mēķā: «rauķa panary ņiķ marķa Ivan skoŗpenķa boleštenķa kajavyķa, čumbračy ņķa marķa vasyķiķa, a aķy ņiķ marķa orčavyķa ņenķsēķa sēķsēķa. Erķs Pas, korminec, vēķ son Ivanyķ glupyķ, a soda ņāķā ģak, a ton prošteķ, Erķs Pas, korminec, uprošteķ uķ, pičkaza». Mājlā pa ņiķ ņaķķķa saķsy i purnasyķ, a kodamyķaķ sy ņiķķy i ņē ņāšij makscyķ, ķķy ņiķ i koķē ņiķ.

дай Ивану перемѣнушку облегченьце, подними его, выльчи его, пусть его ходить, тяжелую работу работать. Потомъ они оба поклонятся и скажутъ: «Спасибо тебѣ, Богъ проклятiя, кормилецъ, за то, что ты далъ перемѣну и облегченiе». Во время молитвы передъ старухой (лежитъ) рубашка больного, потомъ она возьметъ ту рубашку и дастъ больному, грязную заставитъ скинуть, а эту велитъ надѣть. Во время скидыванiя она говоритъ: «вмѣстѣ съ грязной рубашкой Иванъ пусть скинетъ свою скорбь и боль, пусть встрѣтитъ съ здоровьемъ, а вмѣстѣ съ чистой рубашкой пусть надѣнется его перемѣна и облегченiе. Богъ проклятiя, кормилецъ, вѣдь онъ Иванъ глухой, ничего не знаетъ, а ты прости, Богъ проклятiя, кормилецъ, ужъ прости, пусть выздоровѣетъ». Потомъ возьмутъ съ кадунки и уберутъ, а какому-нибудь нищему, который придетъ, все это отдадутъ, хлѣбъ и полотно.

Panar velkska kortaftuma. Noroŋ ava, Noroŋ pas, koŋme-
neć, mŋrŋn ž'aŋarŋn trŋj; mŋr ž'aŋar trŋt vanat, mŋrŋn ž'aŋarŋn para
tŋjat, i vŋtat i pŋtat i šŋdŋj vŋtat, makst mŋnkskŋ sŋtkskŋ i Ivan-
nyŋ gak.

Mŋjlŋ panarynt kŋŋkš poroŋon troks orčafcyž sŋredŋčŋnt
lŋks.

Jurtyŋ gŋrdŋj jurtava, makst Ivannyŋ oftŋn šardyŋ vŋj robo-
tams kŋpidŋms valftums i alašŋntŋ gak makst sokams vŋdŋms.

Pŋdŋt kušlat, arafcyž stollŋks, oznomsta arcŋt vŋšŋj šŋmjom
udalŋ, a ŋkŋlŋj arŋ syŋŋ bŋbŋnŋ i karŋnŋ kušlat oznoma. Oznomsta
mŋrŋ:

Заговоръ надъ рубашкой. Норовъ ава, Норовъ Богъ, кор-
милецъ, питающій весь мŋръ¹⁾ (?); ты кормишь и соблюдаешь весь
мŋръ, всему мŋру ты дѣлаешь добро, и поправляешь, и направ-
ляешь, и сердце поправляешь, дай перемѣнушку и облегченьце
также и Ивану.

Потомъ черезъ дверной порогъ надѣнуть рубашку на боль-
ного.

Молитва передъ пашней. Содержащая корень дома, юртава,
дай Ивану силу медвѣдя на работу, подниманіе, опусканіе и ло-
шадѣ дай — на паханіе и сѣяніе.

Великій четвергъ. Сварятъ кисель, поставятъ его на столъ,
вовремя молитвы всѣ станутъ всей семьей позади, а впередъ ста-
нетъ старая старушка и начнетъ замаливать кисель. При молитвѣ
она скажетъ:

1) Ср. мокш. šŋŋŋf «Stadt» (у Paasonen Mordv. Lautlehre, с. 116, съ вопр.
знакомъ).

«Pas čaṇgyt, kormēneć, kormēnečekm, Pas čaṇgyt, aščyk šu-
rynyk salynyk kis, mǎžā moda laṇks kajinik, mǎžā moda poc va-
linik».

«Morōz afa, vana morōz afa, vana kušla pǎnčkā šimt; čaft pi-
niriniky, lučy čaft bolōta da luga», i pucy kušla pǎnčynt vēr val-
mas šemejanť jarcams, a mǎjlǎ sajsy i sońć sāusy.

Šedikilǎ šemejasa tǎjništ išta. Mujit vīrcta kořen laṇksta koškā
lǎjks. Še koškā lǎjksynt čavit guj i vanftyt ājsynza kuca i bidī
šemejasynt mǎžijak junǎ i amujivǎ, šesta še šemejanť atas pur-
nasy vǎši vǎkuca šemejanza i še gujin žauma palkanť pucy kǎžkš
porōgōn troks i vǎši šemejanza pańcyj še palkanť troks. Kona sa-
lynǎžǎ, mǎjlǎ še koškā še lǎjksynt laca.

«Помилуй Богъ, кормилецъ, помилуй Богъ, побудь ради нашей
хлѣба-соли, которую мы бросили на землю и которую зава-
лили въ землю».

«Морозъ старикъ, вотъ, морозъ старикъ, вотъ, выкушай ло-
жечку киселя, убей нашъ овесъ, лучше убей болота и луга», и поло-
жить она кисельную ложку на верхнее окно (на печкѣ), пока семья
ѣсть, а потомъ возьметъ и сама съѣсть.

Въ старину въ семьяхъ дѣлали такимъ образомъ. Найдутъ
въ лѣсу сухую лутошку на корню. Той сухой лутошкой убьютъ
змѣю и берегутъ ее въ домѣ, и если въ семьѣ пропадетъ что-ни-
будь и не найдется, тогда старшій въ той семьѣ соберетъ всю
семью въ одну избу и положить ту палку, которою убита змѣя,
поперекъ порога и погонитъ всю семью черезъ ту палку. Кто
украсть, тотъ потомъ высохнетъ, подобно той лутошкѣ.

Nalksimat.

Končke·sa. Šālmi·nza vā·χkiñ sulma·syž i ara·feyž kudy·ku·nčkas, a osta·tkatñä karñi·t krugo·mganza sa·lava jaka·ma, ko·sta lančy·ž, a lija i ma·dä ma·styru¹⁾, a kona eže·ms sala·va kužä; a ode·čäs ke·denza tä·tksyñžä i ja·kā ku·dyñt krugo·m, ku·nčä, vāšñä. So·n jakä šñarc, ža·rda tä·nza po·ngä kija·k. Ko·nañ ku·ndasy, šeñ šālmi·nza šu·lmasyž. Še i karñä·taga išta·kuñci·mä i vāšñi·mä.

Kuri·sa. Kuri·sa vāšñä ka·jit kiñi·ñ sa·tä kuřa·ms. Arä, čama·nza ara·fey šte·nas, šālmi·nza kona·syñžä i aščä·. Šñarc aščä·, ža·rdy tänza šä·rgidit: vāšñi·k. Še·sta karñä·son vāšñi·mä. Kyda·vā·šñä, kiñ ie·jä, še karñä·čyji·mä, a son karñä·äsy·nza kunda·ma; žarc son mālga·nza čyjä, osta·tkatñä stara·jit še ška·ñä tožy čyji·ms kuřa·ma ta·rkas. Vot bidä son kiñgak

1) kijakss.

Игры.

Игра въ жмурки. Завяжутъ одному глаза и поставятъ посреди избы, а остальные начнутъ ходить вокругъ него крадучись, гдѣ въ присядку, а другой и ляжетъ на полъ, а кто потихоньку влѣзетъ на лавку; а тотъ, кто водить, растопыритъ свои руки и ходить вокругъ горницы, ловить, ищеть. Онъ ходитъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не попадется ему. Кого онъ поймаетъ, тому завяжутъ глаза. Тотъ и начнетъ опять такъ же ловить и искать.

Игра въ прятки. Въ игрѣ въ прятки сначала бросятъ жребій, кому достанется водить. Онъ станетъ, обернетъ лицо къ стѣнѣ, зажмуритъ глаза и стоитъ. Стоитъ до тѣхъ поръ, какъ ему закричатъ: ищи. Тогда онъ начнетъ искать. Когда онъ ищеть, кого если увидитъ, тотъ начнетъ убѣгать, а онъ начнетъ его ловить; пока онъ за нимъ бѣжитъ, остальные въ это время стараются также добѣжать до мѣста, гдѣ водять. Вотъ если онъ кого-ни-

ku·ndā, še i karmā· kuṛa·ma. A biḍā kija·k tānza a porḡā, še·sta tagy son karmā· kuṛa·ma.

Kaba·nea. Vāḡki·ś a·rā kuṛa·ma, a osta·tkatnā kekšné·t. Mājā son zārda soṇḍā·nza śā·rgidīt, še·sta son karmā· vāšni·mā Ko·nañ mu·sy, šeñ āsa sa·sā i ča·vā kuṛa·ma ta·rkañti čyjims. Osta·tkatnā za·re so·n vā·ḡkiñt marta čyjñā, vā·śi norō·ḡfet čyji·mā kuṛa·ma ta·rkas. Kona·ñ osta·tkada lāba·sy, šeñe·ñ i kuṛa·ms. A biḍā kiñga·k a lābā, to āstā·nza māki·j kuṛa·ms.

Kaḷa·sa. Suvi·t stru·ps vā·tini·st. Suva·msta śā·rgidīt: ka·lasa! I vāši kapšyt še ška·nā arēi·mā ugylga. Kona akā·ñirā, še·ñe·ñ oḍa·ms. Oḍe·cās a·rā kunčavi·c, mājā ja·kā u·gylga i āi·vāḡkiñ kā·ḡkšñā: kaḷa·, kaḷa·, ko·sa? A net ne·ffet koṇ tāst pa·ra. Neftemsta meṛe·t: kaḷa· vo·nēksa, i še ška·nā neftā oḍe·cā·ñti su·rca. Še tujā toṇ, a net še ška·nā pola·fñit vāḡkist vāḡkist marta tarka·t, a oḍe·cās še ška·nā, biḍā fa·tā, ko·nañ gak ta·rkas kapšā·ara·ma. Kiñ ta·rkas a·rā, še·ñeñ oḍa·ms. Nalksīt, nalksīt; me·lest

будь поймаетъ, тотъ и начнетъ водить. А если никто ему не попадется, то онъ опять начинаетъ водить.

Игра въ кабана. Одинъ становится водить, а остальные спрячутся. Потомъ онъ, когда ему закричатъ, начнетъ искать. Кого найдетъ, того онъ догоняетъ и хлопаетъ (чтобы не допустить) взбѣжать на мѣсто, гдѣ водятъ. Остальные, пока онъ бѣгаетъ съ однимъ, норовятъ всѣ взбѣжать на мѣсто, гдѣ водятъ. Кого онъ наконецъ хлыстнетъ, тому и водить. А если онъ никого не хлыстнетъ, то ему самому опять водить.

Игра въ кисель. Въ пятеромъ войдутъ въ срубъ. Входя кричатъ: въ кисель! И всѣ въ это время снѣшать стая по угламъ. Кто не поспѣетъ, тому водить. Водящій станеть по середкѣ, потомъ ходить по угламъ и спрашиваетъ каждого: кисель, кисель, гдѣ? А тѣ показываютъ, кому какъ понравится. Показывая, говорятъ: кисель, вонъ гдѣ, и въ это время показываетъ водящему пальцемъ. Онъ пойдетъ туда, а они въ это время помѣняются другъ съ другомъ мѣстами, а водящій въ это время, если замѣтитъ,

kyda·molet, koda·k šā·rgidīt: kona·ka·duvā, suksyjā·š, suksyjā·š.
Še ška·nā prān po·ldań šī·ndīz kapšyt tarka·st kadnu·myst i šedā
ku·ryk čyji·ms u·léaḡ.

Žarca. Ža·rea javi·t kaftuḡ žary ulēt loma·tnā i kaji·t ki·
ni·n vačky·dīms žary·š. Tāji·t kafty na·šat. Ko·nańiń sa·tā vač·
ky·dīms, net ary·t vā·jo·noḡ, a osta·tkatnā ary·t ombōcā jo·noḡ.
Net vačky·teyž, vā·χkiš žary·nt, a jalga·nga karñi·t da·lšy sala·
myza. A net o·mbōcā jo·neta karča čavi·t žary·nt, pañi·t mā·kij.
Kona·t i·kilij pañcy·ž, net i vačky·dīt. Žary·š ču·ftyń kruglo·voj;
ārvā·χkiń ġeca du·bina, ne dubina·tniń āsa pa·nit. Lija·sta išta·
pañēt, turva·st ka·k ta·psisyž.

Skrakla·sa. Skrakla·sa nalksi·t i·šta: tāji·t ko·ta ču·ftyń
na·rka palkiñit kuva·lmyst vaksyń vaks i tāji·t ozorno·j kru·g i
javi·t ka·ftuḡ za·ryñist ulēt. Ārvā·χkiš ās jalga·nga ma·rta i ār·

поспѣшить стать на чье-либо мѣсто. На чье мѣсто онъ станеть,
тому водить. Играють играють; когда пройдетъ охота, какъ за·
кричатъ: «кто остался, очервивѣлъ, очервивѣлъ». Въ это время сломя
голову и не жалѣя ногъ (опрометью) спѣшать оставить свои мѣста
и какъ можно скорѣе выбѣжать на улицу.

Игра въ шаръ. Въ игрѣ въ шаръ дѣлятся на двѣ партіи,
сколько было людей, и кидаютъ жребій, кому бить шаръ. устраи·
ваютъ два назначенныхъ мѣста. Кому достанется ударить, тѣ ста·
новятся на одну сторону, а остальные становятся на другую сто·
рону. Тѣ ударяють, одинъ (ударить) шаръ, а другіе начинаютъ
гнать его дальше. А тѣ съ другой стороны ударяють шаръ на·
встрѣчу и гонять его обратно. Кто впередъ угонить, тѣ и уда·
ряють. Шаръ круглый деревянный; у каждого въ рукахъ ду·
бина, этими дубинами они гонять. Другой разъ такъ гоняють, что
даже разобьютъ себѣ губы.

Игра въ чушки. Въ чушки играютъ слѣдующимъ образомъ:
приготовятъ шесть деревянныхъ короткихъ палочекъ въ длину по
четверти и проводятъ большой кругъ и дѣлятся на двѣ партіи,
сколько ихъ было. Каждый со своимъ товарищемъ и у каждого

vāχkiñ ġeca para kedjonks. Tāji-t ka-fta buχt, kaji-t kiñi-n iki-
liġ čaums. Kona-niñ i-kilij sa-tā, net ary-t vasy-la bu-jiñti i kar-
mi-t jovra-ma skraklātñiñ laŋks, a skraklā-tñā ara-ftuft kru-gyñt
ku-nėkas, ara-ftuft i-šta: ala kolma ašėy-t bo-kom, laŋksy-st kafta
net ka-k bokom, a šeť laŋksa vā-χkā, še štada. Vot i jo-vreť.
Koda-k kala-dyt, šesta- ary-t mala-sa bu-jiñti i karmi-t čau-ma;
kit šedā la-ma liťtiť krukstyñt, net i karmi-t jalga-st la-ŋksa ja-
ka-ma. Jaki-t to-zėn, kozėn jalga-za jorcė-j kedjo-ŋksynza. Koda
vāši ka-niñsyť skraklā-tñiñ, ara-fuñsyť, šesta- net ombonėnā
karmiť i-kilij čau-ma, a net uš synet mā-lga.

Ošca. Tāji-t krug, krugo-mganza niñi vā-tā ja-miñit; kunčka-
synza po-kš šedā ja-ma. Tāji-t čuftyñ žar i kaja-syť kunčka-sa
ja-mañti, šeñ lāmi-za oš, a jama-ñt oš ja-ma. J ara-fuñsyť ko-nat
karmi-t nalksi-mā o-šca dubi-nast vāši žaryñt laŋks oš ja-mañti.
Arci-t i-šta krugo-mganza i kodak meće-t, ki kāñiřā, ārvāχkiš ka-
jā-vā še ška-nā ja-miñis, štyba dubi-na pāza ašėy-za jamiñi-syñt, a

въ рукѣ хорошая ручная дубинка. Устраняють два буй, бро-
сають жребій, кому прежде бить. Кому достанется впередъ, тѣ
становятся въ дальній буй и начинаютъ бросать въ чушки, а чушки
поставлены посреди круга и поставлены слѣдующимъ образомъ:
внизу три лежатъ бокомъ, сверху ихъ двѣ — тѣ также лежатъ,
а на самомъ верху одна — та стоякомъ. Вотъ и бросаютъ. Какъ
только разсыплютъ, тогда становятся на ближній буй и начинаютъ
бить; кто больше всѣхъ выкинетъ изъ круга (чушекъ), тѣ
и начнутъ ѣздить на товарищахъ. Ёздить туда, куда товарищъ
броситъ свою дубинку. Когда снесутъ всѣ чушки и поставятъ ихъ,
тогда тѣ изъ другой партіи начнутъ бить впередъ, а эти ужъ
послѣ нихъ.

Игра въ городки. Проведутъ кругъ, вокругъ него устроятъ
четыре или пять ямочекъ; въ середкѣ его самую большую яму.
Сдѣлаютъ деревянный шаръ и бросятъ въ среднюю яму; сере-
дину и называютъ городомъ, а яму городской ямой. И положить
тѣ, кто станетъ играть въ городки, всѣ свои дубинки въ городскую

ko-na ka-duvā, akā-nirā jami-nis, še-ne-n oda-ms. Še-sta sajsy-ž žary-nt oš jama-stynt i vačky-čyž krukstynt, a ode-čas čyja-malganza i karnā. āsy-nza dubina-sa pañi-mā māki-j oš ja-manīti. A net karni-t ano-ldamynza, čau-ma karni-t ka-rča dubina-sa; a ode-čas še ška-nā noro-χtā dubina-sa *jaχydī-čānt va-ras ara-ftums soñce-n dubi-napānza. Je-šli son kā-nirā iki-lij putu-ms dubināpā-nza konaŋga-k va-ras, to še-neñ ara-ms, a še-ne-n oda-ms. A bi-dā kiŋga-k va-ras akā-nirā i sonza. žary-nza nolda-syž tā-nza praftu-ms oš ja-manīti, še-sta «kala-č» šārgidit, i še ška-nā vāsi čovor karni-t vāšni-mā āsta-st lija. va-rat, a kona-akā-nirā ko-zēnga-k, še-ne-n oda-ms.

Mā-čea. Māčea. nalksi-t žarda jaki-t alašava-ksc, bolšy tu-nda. Tāji-t Ya-γiñ māč, tājni-t ārvāχki lo-mańis āstā-nza ja-miñā; tājnit ā-syst vā jo-ŋga ja-miñit. I karni-t māciñt āsa kavi-rkšni-

яму на шаръ. Станутъ такъ-вокругъ нея и какъ только скажутъ, всякій, кто поспѣетъ, бросится въ это время въ ямку, чтобы конецъ его дубинки оказался въ ямѣ, а кто останется и не поспѣетъ подойти къ ямкамъ, тому водить. Тогда возьмутъ шаръ изъ городской ямы и вышибаютъ его изъ круга, а водящій бѣжитъ за нимъ и начинаетъ гнать его дубиной назадъ въ городскую яму. А тѣ начинаютъ не пускать шаръ, начинаютъ ударять дубинками на встрѣчу; а водящій въ это время старается поставить конецъ своей дубинки въ ямку того, кто размахиваетъ дубинкой. Если онъ поспѣетъ поставить впередъ конецъ своей дубинки въ чью-либо ямку, то ему надо стать, а тому водить. А если онъ не поспѣетъ ни къ чьей ямкѣ и допустить его шаръ упасть въ городскую яму, тогда закричатъ «разрушено», и въ это время всѣ вмѣстѣ начнутъ искать себѣ другихъ ямочекъ, а кто не поспѣетъ никуда, тому водить.

Игра въ мячъ. Въ мячъ играютъ, когда караулять лошадей, больше весной. Сдѣлаютъ изъ лыка мячъ, каждый устроитъ себѣ ямку; устроятъ они себѣ ямочки въ одной сторонѣ. И начнутъ ка-

mā, jamīni·tūn laŋga. Kīn·ja·mīnīs pry, še kapy·tcy, a ostatka·tūā čyji·t, a son ko·nañ kã·ñīra, šeñ i čavã· mā·ćeñt. Ko·nañ va·č·kytcy, še karmã· kãvi·tkšnimã.

Kiča·sa. Tãji·t nīlī u·gylca krug i kaji·t kaftuŋ za·rynīst ulēt; ãřvãχkis āsi jalga·nza ma·řta i karmī·t nalksi·mã. Kiča·s če·tveřti poltora·¹⁾, kavynīst pã·nza laksīft ala·myda, a kičã pa·l·kaš arčynčka, i byva·jit bo·lšy²⁾ i šedã viškīnīt. Kī·nīn koda·my pa·ra, še išta·mysa i čavã. Čavi·t i·šta. Kičã·nt kaja·syž kru·gynīti, a čavi·čas arã· koda· tãnza pa·ra i vačkytcy kičã·nt pãs. Kičãš kyřna·ftã. Son še ška·nã norõ·χtã kičãpa·lkasynt šedã pe·k vačky·dīminga, štyby son šedã va·suŋ liřta·za. Še·sta še va·čkydīmaš loo·vã ka·ftys. A biđã vačkytcy ki·čãnt ča·vicãš kičã·nt pe·řvoj, a son kyřna·ftã pek i liřta·krugy·nt tona bo·kas a to·kavi tã·nza kyřna·frumsta, šesta te loo·vã vãχkis i lãmi·nza bu·ka, a lija·sta

1) o·mbõce peř vaksyška. 2) ulīt i šedã pokšt.

тать мячъ по ямкамъ. Въ чью онъ упадетъ ямку, тотъ схватитъ его, а остальные убѣгаютъ, а онъ, кого успѣетъ, того и ударитъ мячомъ. Кого онъ ударитъ, тотъ и начнетъ катать.

Игра въ чижъ. Устраивать четырехугольный кругъ и дѣлятся на двѣ партіи, сколько ихъ будетъ; каждый и начинаетъ играть со своими товарищами. Чижъ четверти въ полторы, съ обѣихъ концовъ немного затесаѣ, а палка чижова длиною въ аршинъ, бывають и больше и еще меньше. Кому какая нравится, тотъ такую и бьетъ. Бьютъ слѣдующимъ образомъ. Чижъ помѣстятъ въ кругъ, а бьющій станетъ, гдѣ ему нравится, и ударитъ въ конецъ чижа. Чижъ подпрыгнетъ. Онъ въ это время старается ударить его палкой какъ можно сильнѣе, чтобы онъ какъ можно дальше полетѣлъ. Тогда этотъ ударъ считается за два. А если бьющій чижа ударитъ чижа въ первый разъ, а онъ высоко подпрыгнетъ и полетитъ на ту сторону круга и не задѣнетъ его, подпрыгнувъ, тогда это считается за одинъ (ударъ) и называется быкомъ, а въ другой разъ договариваються взять быкъ назадъ и (ударить снова).

korta-syz buka-nt saji-ms. Vot ka-jit kiini i-kilij ča-ums i kar-mi-t net čau-ma ža-rys la-dasyž lo- voms tosa, ko-mšes ali niini-ga-miinc a-li vādga-miinc i kar-mi-t čau-ma. Ko-naini i-kilij sa-tā, vāχkiš čavā; žara tājā, ombō-nčēn ā-sta lišā. jalga-za, karmā-tānza. namši-mā. Koda-k kru-gynti kičā-s pry, šesta. nama-uš. Še-sta karmā. te ča-uma, karmi pandu-ma žarys pa-nduvit tā-nza, alija. pancy-ňžā da eščo. langy-zyst tā-jā kāmiska ali kāvati-iška. Kona-t i-kilij taji-t šnara žarys ladī-ž, to osta-tkatini ārvāχkiš āši ja-lgānza kučcy-j derks. Kučcy-j i-šta: čavā kozē-n, kičāza fi-ftā čavyž a kičāpa-lkañt jo-rdēž jorcē-j, kozē-n jo-rdovā. Šesta te kru-kstynt tu-jā vā pilgi la-ηksa kyřna-fniimā kičāpa-lkañ pur-na-ma, i koma-msta i saji-msta i māki-j vasuη kyřna-fniimsta bi-đā ombō-čā pi-lgīnza laηks čalga-vā, šesta. o-don kucy-j derks, a bidā ača-lgavā, še-sta pa-ndā; i vāši āš so-ňčēn jalga-nza išta.

Вотъ бросаютъ жребій, кому впередъ ударить, и они будутъ бить столько разъ, сколько они тамъ договорятся считать — до двадцати или до сорока или до пятидесяти разъ и начнутъ бить. Которой партіи достанется бить впередъ, то одинъ (изъ нея) бьетъ; сколько тотъ сдѣлаетъ (ударовъ), изъ другой партіи выйдетъ его товарищъ и начнетъ кидать ему въ кругъ. Если чижъ упадетъ въ кругъ, то (значить) онъ попалъ. Тогда начинаетъ бить этотъ и начинаетъ платить, сколько сможетъ заплатить, а другой заплатить и еще сдѣлаетъ на нихъ (на ту партію) съ десятокъ или съ пятнадцать. Кто прежде сдѣлаетъ столько, на сколько уговаривались, то каждый изъ остальныхъ посылаетъ своего товарища прыгать на одной ногѣ. Посылаетъ его слѣдующимъ образомъ: куда онъ ударитъ, чижъ его полетитъ вслѣдствіе удара, а палку отъ чижа онъ бросаетъ броскомъ, куда она попадетъ. Тогда этотъ пойдетъ изъ круга, прыгая на одной ногѣ, подбирать палку отъ чижа, и если во время нагибанія, во время хватанія и прыганія взадъ-впередъ онъ наступитъ на другую ногу, тогда снова тотъ его пошлетъ прыгать на одной ногѣ, а если онъ не наступитъ, тогда довольно;

kučni-syj, mājla net karmit iki-lj čau-ma, kona-t derks ja-ka-št.

Ru-zyn kičā-sa. Arčit za-rynist ulēt nalksi-čātñā i karmit kičā-sa kaja-ma. Kajsi-t i-šta: vitkedezēnza kičāpa-lkañt, a kārē-ke-dezēnza ki-čāñt; kičā-ñt kaja-syj kičāpa-lkañt vālksc, a kičāpa-lkasyñt karmā- alda tokšē-mēnza, a osta-tkatñā loñnē-t za-rykšt tā-nza toka-vā. Kona- šēft lamykšt toka-syj i-šta kičā-ñt, šē šēft i-kilij karmā- čau-ma, a kona- šedā a lamykšt, šē karmā- tā-nza namsi-mā; a mā-jlā te karmā- ča-uma; išta-k i tāvi-st rado-m molā. Kona- šēft a lamykšt toke-za kičā-ñt, šē šēft mājla karmā- čau-ma, a čau-msta ki za-ra tā-jā lo-ñnēt; kona- i-kilij tā-jā kāmīn, šē lišā, a kona- šēft mā-jliš kadu-vā šēne-ñ ođa-ms, a ode-ti-šta; kona- šēft i-kilij lišā, šē šēft i-kilij karmā- ođa-ma. Kičā-ñt va-čkytcyj, a ode-čas karmā- čy-jñiz čyjñi-mā i kičāñt ā-sa namsi-mā, a ode-čas a-rā krugyñt vā-lksc i karmā- kičāpa-lkasyñt joza-ma krugyñt

и всё посылаютъ такъ же своихъ товарищей, а потомъ, начинаютъ бить впередъ тѣ, которые ходили на одной ногѣ.

Игра въ русскій чижъ. Становятся сколько будетъ игроковъ и начинаютъ бросать чижомъ. Вбрасаютъ слѣдующимъ образомъ: въ правую руку онъ возьметъ палку отъ чижа, а въ лѣвую чижа; чижа броситъ поверхъ палки, а палкой онъ начнетъ подталкивать снизу, а остальные считаютъ, сколько разъ ему это удастся. Кто больше всѣхъ попадетъ такимъ образомъ въ чижа, тотъ станетъ бить прежде всѣхъ, а кто меньше разъ, тотъ начнетъ бросать ему въ кругъ, а потомъ этотъ начнетъ бить; такъ ихъ дѣло и идетъ къ ряду. Кто всѣхъ меньше (разъ) попадалъ въ чижа, тотъ начнетъ бить послѣ всѣхъ, а во время ударенія считаютъ, кто сколько разъ попадетъ; кто первый попадетъ десять разъ, тотъ выходитъ, а который останется послѣднимъ, тому водить, а водять слѣдующимъ образомъ: кто выйдетъ всѣхъ прежде, тотъ прежде всѣхъ начинаетъ водить. Онъ ударяетъ чижа, а водящій начинаетъ бѣжать бѣгомъ и бросать чижа въ кругъ, (при чемъ) водящій становится надъ кругомъ и начинаетъ вертѣть (тереть) надъ

vä·lksca i ano·ldama kičä·níť äsa. I odä· šnarc, žarda kičä·ś ná·-
mavä, soñdēdenza mä·jlä karñi·ť lijä·tnä jak išta·ža oda·ma. Kyda
vä·ši oda·syž, še·sta son čavä· šéť i·kilij ičavä· kafty ke·ca per·
vaj, a mä·jlä karñi·ť čau·ma vä ke·ca.

Moloka·sa. Pruni·ť kuca·s; väχki·ś ästyst lišä· jutkstyst,
arä väpelej i karmä· šäjri·mä: mo·loka·! a neť te·sta karčy·zynza
šärgidit: čavo! Še tosta šä·rgidä: daj, rabo·tnik! — U kavo·? Še·sta
son šä·rgidä kiñ du·mä: u Iva·n! ali u Jo·gyť, ali u Dři·ga, ki me·le·
zenza tu·jä, šeñ i šä·rgitecy. Konañ šä·rgitecy, še čyjä· soñdä·nza,
a neť krukstyñť čavi·ť čyji·msta ä·synza kiñi·ñ koda· pa·ra: ki kyr·
gasan la·nga, ki prá la·nga, ki·ñiñ kua to·kavä. I son išta· šäjri·
syñžä väši: šesta kona· ka·duvä šéť mä·jlis, te karmä tovö·lda
i·štaža šäjri·mist. Išta· i nalksi·ť.

Čysa kouša. Čy·sa ko·usa arci·ť väši vä ta·rkas; väχki·ś arä·
ava·ks, a osta·tkatñä kuñci·ť uda·lynza; vä·ši kiñdi·ť väχkist vä·χ·

кругомъ палкой и не пускать къ себѣ чижъ. И водить до тѣхъ поръ,
пока чижъ не попадетъ въ кругъ, а послѣ него другіе начинаютъ
водить такимъ же образомъ. Послѣ того, что всѣ поводятъ, онъ
ударяетъ прежде всѣхъ и сначала бьетъ двумя руками, а потомъ
начнутъ бить одной рукой.

Игра въ молоко. Собираются въ кучу; одинъ выйдетъ
изъ среды ихъ, станетъ въ сторонѣ и начнетъ кричать: мо·
локо! А тѣ въ отвѣтъ ему кричать: чѣго! Тотъ тогда закричитъ:
дай, работникъ! — У кого? Тогда онъ крикнетъ на кого подумаетъ:
у Ивана, или у Егора, или у Григорія, кто ему понравится, того
онъ и крикнетъ. Кого онъ крикнетъ, тотъ прибѣжитъ къ нему, а
эти изъ круга бьютъ его, какъ кому захочется: кто по шейнымъ
жизнямъ, кто по головѣ, кто куда попадетъ. И онъ такъ всѣхъ не·
рекличетъ: тогда тотъ, кто остался послѣднимъ, начнетъ съ той
стороны ихъ переключивать. Такъ и играютъ.

Игра въ солнце и мѣсяцъ. Для игры въ солнце и мѣсяцъ
всѣ становятся на одномъ мѣстѣ; одинъ становится маткой, а
остальные схватятъ его сзади; всѣ держатъ одинъ другого съ заду,

kist äsa uda·lda, ki čuba·da, ki suma·ndä, a vä·čkä· kadu·vä va·rakaks i karmä· uda·lda kuñci·mä vä·čtä·vä·čtä nalksi·čätniñ äsa, a soñé čyjñä· i pižñä: vārķ, vārķ! Kyda ku·ñcä pešeška·st kuñci·vit, ñet kuñci·t väši va·rakanť uda·luu i vara·kaš karmä· pižña·ma soñé·ñ oftelenza mařta: koñ, koñ! A ñet, ombóce ofte·leš, karmi·t pižña·ma: čyj! čyj! A ñet pižñi·t: koñ! koñ! I karmi·t vä·čkist vä·čkist äsa äšta·st maña·ma, mäjlä kundy·t ava·katñä vä·čkist vä·čkist äjs i karmi·t äšta·st uskuma. Koda·k kona·ava·kanť sala·syž, šeñ väši karmi·t prála·nga kalga·mynza.

Gala·ñčasa. Purny·t vä·ti kähñit i norò·čtet piža·kaduma. Kona·kä·ñiřä iki·lij pižñä: čir ko·n! A ombó·ceš pi·žñä: pat ko·n! A kolmò·ceš pižñä: taraka·n! Mä·jlä karmiť nalksi·mä. Nalksi·t i·šta: ñilä kähñitñiñ pucy·ňžä ma·styruu, a vä·čki·š ke·cēza. Te vä·čkiñť kaja·syj ve·řej, še škañä pramazy·nza kapšä·ñi·litñiñ a·lda kapy·dñmist i kähñi·řims šeñga·k kunda·ms věřä.

кто за шубу, кто за кафтанъ, а одинъ остается вороной и начинаетъ хватать играющихъ одного за другимъ, а самъ бѣгаетъ и кричить: варкъ, варкъ! Когда онъ, хватая, поймаетъ съ половиною ихъ, тогда эти всѣ схватятъ ворону сзади, и ворона начинаетъ кричать вмѣстѣ со своей партіей: мѣсяцъ, мѣсяцъ; а эти, принадлежащіе другой партіи, начнутъ кричать: солнце, солнце; а эти кричать: мѣсяцъ, мѣсяцъ; и начинаютъ перекликать одни другихъ; затѣмъ матки уцѣплятся другъ за друга и начнутъ тащить къ себѣ чужую матку. Когда вырвутъ какую матку, всѣ начинаютъ добить ее въ голову.

Игра въ колки. Возьмутъ пять камушковъ и стараются крикнуть. Кто успѣетъ раньше, закричитъ: чуръ конъ! а другая крикнетъ: подъ конъ! а третья крикнетъ: тараканъ. Потомъ начинаютъ играть. Играютъ слѣдующимъ образомъ: четыре камня она положить на землю, а одинъ она держитъ въ рукѣ. Одинъ этотъ камень она броситъ къверху; въ это время она старается, до паденія его, схватить снизу тѣ четыре камня и успѣть поймать и тотъ сверху. Сколько разъ она такъ успѣетъ, столько и считаетъ.

Ža-rykšt išta· kã·nirã, šnarykšt i lovã· jalga·nza laŋks. Koda·k kãmĩnc tãjã·, še·sta karmã· kamka·ma. Koda·k jupa·dã, šesta· tã·nza pa·nda. Še·sta karmã· jalga·za pañni·mã. Koda·k kona·kona·n laŋks tãjã· komš ka·mkaž, to šeñ išta· tata·rnyñ mĩsy·, mãjlã karmã· voža·ž to·sta idi·minza, karmã· galañčatñiñ praññi·mã i pãji·tkšniñmã: «prašt bujara·ks, tatar paly·žã». I koda·k i·šta komše·s pandu·vã, šesta tãnza pa·nda. Mã·jlã jalga·za karmã· išta·ža nalksi·mã. Ko·nañ mi·syž, šeñ laŋksa vã·ši jalga·nza pã·j·dĩt. Vot i·šta i nalksi·t.

Naka·sa. Tãjni·t ña·kat—čora·t, ava·t, äŋt, kakšt, žéne·ft, ñevestã·t i karmĩ·t äsy·st nalksi·mã; i·štaža koda· i loma·tt äri·t, išta·ža urva·kšnit, išta·ža byta gulã·jit, čačni·t i kulci·t. I·šta nalksi·t tãŋtir·ŋnit godo·u do dvenacati. Mã·jlã pa·nda.

Ka·ravad. Karava·ca nalksi·t i·šta. Liši·t tãŋti·tt ary·t kru·ks i kuñci·t ketťike·c i karmĩ·t čyrkši·mã. Kunčka·s suvã·vã·ŋkã i karmã· morë·n šajri·mã. Te šãrgidã vašña· ška·mynza,

тають другъ за другомъ. Если кто исполнить десять разъ, то начинаетъ подкидывать съ затылка руки и ловить. Какъ только промахнется, тогда съ нея довольно. Тогда ей начинаетъ оплачивать ея товарка. Какъ только одна за другую броситъ и поймаетъ двадцать разъ, то она продаетъ ее такъ татарину, потомъ начинаетъ съ базовствомъ выкупать ее оттуда, начинаетъ бросать камушки и подсмѣиваться: «унали въ баракъ, татаринъ поцѣловалъ ее»; и когда она такъ заплатитъ двадцать разъ, тогда съ нея довольно. Потомъ подруга ея начинаетъ играть такъ же. Которую продадутъ, надъ той смѣются всѣ подруги. Вотъ такъ и играютъ.

Игра въ куклы. Сдѣлаютъ куклы—мужиковъ, бабъ, дѣтей, жениховъ, невѣстъ и начинаютъ ими играть; такъ же живутъ, какъ люди, такъ же женятъ и такъ же гуляютъ, рожаютъ и умираютъ. Такъ играютъ дѣвочки годовъ до двѣнадцати. Потомъ довольно.

Хороводъ. Въ хороводѣ играютъ такъ. Дѣвушки выйдутъ, станутъ въ кругъ и ухватятся одна съ другой за руки и начинаютъ покачиваться. Въ середину входитъ одна и начинаетъ запѣ-

a mā·jlā mālga·nga nēt ka·k. Mořcet mořcet i·štaņa, mājla ka·r
mīt kišni·mā. Kišcy·msta tājni·t i·šta: kruks suvi·t kafty tājtiť,
a osta·tkatnā karini·t la·li·la·li mora·ma i te řali·řalińt pázyjak
ara·ś, a řija·sta mořet: «nam ni nada muzyka·, u nas svoj jeřt
jazyka·»; řija·sta mo·řet: «na jarugi duľa jeři, duľa da». Mājla
puru·mkšnyt řezēń o·džorat nudij mařta i karini·t mora·ma i ki
šcy·mā čo·vōr; kona·t kišcy·mańt ře·čksēz, a kona·t še řkańā vany·t,
kona·t šājrit mińišu·nyń va·řgijsa, kona·t řeške·ńet, a ko·zat
tā·řtiřńā kru·ksa moře t. A nalksi·t tājti·řńā čo·ratnā ma·řta
i·šta: tājti·řńā ašcy·t kru·ksa vā·řc·vāřc ku·ńciž, a čora·tnā jaki·t
krugo·mgast i čavi·t sa·styńā udalksłanğa keđ ladyška·sa, a tāj
ti·řńā meřgā·ńiřt o·žasa. A kona·tājti·řińt vačky·řcy kořńeča
jalga·za, son še řka·ńā kru·kstyńt ři·śā, buta řeń čau·ma karmā
mālga·nga čyji·mā, a še bu·ta řālā·, karmā· ājsty·nza čyji·mā
śeđā čo·pōda ta·rkas. Kyda čy·jā iřta·ma ta·rkas, ko·sta kińiń·

вать пѣсню. Эта запоетъ сначала одна, а потомъ за ней и тѣ.
Попоютъ онѣ такъ, потомъ начинаютъ плясать. При пляскѣ по
ступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ войдутъ двѣ дѣвушки,
а остальные начнутъ пѣть ляли-ляли, и этому ляли-ляли нѣтъ и
конца; а другой разъ поютъ: «намъ не надо музыка, у насъ свой
есть языка»; другой разъ поютъ: «на яругѣ дуля ѣли, дуля да». По
томъ туда собираются парни съ дудками (изъ трости) и начи
наютъ пѣть и плясать вмѣстѣ; которые любятъ пляску, а нѣко
торые въ это время смотреть, другіе кричатъ на разные голоса,
третьи высвистываютъ, а нѣкоторые дѣвушки поютъ въ кругу.
А играютъ дѣвушки съ парнями слѣд. образомъ: дѣвушки сидятъ
въ кружкѣ, держась другъ за дружку, а парни ходятъ вокругъ
нихъ и потихоньку ударяютъ ихъ ладонью по спинѣ, а дѣвушки
наотмашь рукавомъ. А если дѣвушку ударить ея дружокъ¹⁾, то
она въ то время выйдетъ изъ круга и побѣжитъ за нимъ, будто
для того чтобы бить его, а тотъ будто боится и побѣжитъ отъ

1) Т. е. парень, котораго дѣвушка намѣчаетъ себѣ въ мужа.

gak a ne·javā, šesta lotkā i tāχtīrīs čyjā, buta kunda·syj, i ozē·t ālā šta·da karmī·t kořčne·mā. Lija·sta išta kořčne·t zo·ras, a li·ja·sta fati·t lija·t tāχtīrīnt mālga prafty·čat i karmī·t langyzyst mājsa poņkš jovra·ma i pañci·ž to·sta. Še·sta še čora·s purna·syñžā jalga·nza i tujā lija karava·dga jaka·ma vāt. Vāsij karava·t·nyñ āzga jaki·t čoratnā i·šta. Net moļe·t tou, a nona·t to·sta syt tej; išta· i ja·kif.

Kīri·n sala·ma. Koda šokšes sy, še·sta tāχtīrīnā i čo·ratnā karava·c lo·tket lišni·mada. Še·sta tā·χtīrīnā karmī·t ruča·n pa·ma·ryñ vīkšni·mā ku·ca, a čora·tnā karmī·t valma·lga jaka·ma. Jaki·t sa·lava, a pora·s ru·daz. Mo·ļet va·lmaluñ, ko·mšet sa·styñā, va·nnyť šty·ba tāχti·rīs ila·za fata·ā·zyst. Tāχti·rīs vī·kšnā, a syñ va·nnyť, koda·k še nuņši·mā ka·rmā; syñ še škañā salavi·nā va·lmanť pañčyž; bidī ki·řiza mala·sa, sajsy·ž ke·ca, a bidī vā·pe·lā, šesta· čora·tniñ uli·t išta·tt palkavā·lā křuki·nist. Še křu·

нея въ очень скрытное (темное) мѣсто. Какъ онъ приближить въ такое мѣсто, гдѣ никто его не увидитъ, тогда онъ остановится, а дѣвушка приблизитъ, будто поймаетъ его, и сядутъ или стоя начнутъ разговаривать. Другой разъ такъ говорятъ до зари, а иногда хватаются другіе, ухаживающіе за этой дѣвушкой, и начнутъ бросать въ нихъ чѣмъ попало, и выгонять оттуда. Тогда тотъ парень соберетъ своихъ товарищей и уйдетъ гулять ночью по другимъ хороводамъ. Парни ходятъ такъ по всѣмъ хороводамъ. Эти идутъ туда, а тѣ идутъ оттуда сюда; такъ и ходятъ.

Кража клубковъ. Когда настанетъ осень, дѣвушки и парни перестаютъ выходить въ хороводы. Тогда дѣвушки начинаютъ выпивать дома ружи и рубашки, а парни начинаютъ ходить подъ окна. Ходятъ тайкомъ, а пора грязная. Подойдутъ къ окну, нагнутся потихоньку, стараются, чтобы дѣвушка не замѣтила ихъ. Дѣвушка выпиваетъ, а они подкарауливаютъ, какъ она задремлетъ; въ это время они потихоньку откроютъ окно; если клубокъ ея близко, они возьмутъ его рукой, а если далеко, тогда у парней бываютъ такіе крюки на палкахъ. Этимъ крюкомъ они его

kiñisyñt sa·jsyž i adā· mary·nga. Mā·jlā mo·let li·ja ta·rkas i
vāñbā·ft ištā·ñā ja·kit, a mā·jlā karmī·t pāji·fkšñmā tāχti·rčñā
la·ŋksa, ki koda· vikšñā·; Kiñ koda·ma sufi·za. Vot ištā jakši·t
kiriñ zala·mā, a lija·sta kiri·ñt a·ñcik saji·minga ka·rñit, a tāχ·
ti·iis fa·tā, šārgi·dī tāta·nety, a še ka·pydā ko·leja āli āraši·na i
napy·štā mālgā·st, a net čyji·t kona·ñiñkou pa·ra. Lija·sta prakšny·t
vāχki·st·vāχkist vā·lksa, štī·t i ta·gy čyji·t. Šnarc čyji·t, kyda li·
jā·ñ o·jñeza pi·jā. Še·sta lo·tket. A ko·nañ sasasyj, šeñ pñāñ·
droks āraši·nasa. I ištā· jaki·t šokšñā ā·rva čo·kšñā. A·ñcik
a ja·kit nedlačyñ i pražñi·kiñ ka·rča.

Laukava·ksc. Roštova·ñiñ i ščeñeja·ñiñ torgo·vyčñā liñi·t
tava·ryst āsa lauķa·sta nure, nu·rdyñt lauķs tāji·t kibitkat, vač·
ka·syž tavaryst i lifcy·ž ulča ku·nčkas. Šesta· vāši vā·lista pu·
ru·mīt odžo·ratñā i oddā·χti·rčñā i salda·tkatñā lauķa·tñiñ vaksc.
Odžo·ratñā karmī·t ramšimā la·ušñikñiñ ke·cta, ki pešt, ki roš·

возьмутъ и уходятъ съ нимъ. Потомъ идутъ въ другое мѣсто и
всю ночь они тамъ ходятъ, а потомъ начнутъ подсмѣиваться надъ
дѣвушками, какъ которая вышиваетъ, у которой какія птички.
Вотъ такъ-то они оня ходятъ красть клубка, а иной разъ, только
они станутъ брать клубокъ, какъ замѣтитъ дѣвушка и крикнетъ
своему отцу, а тотъ схватитъ колъ или холудину и пустится за
ними, а эти убѣгаютъ куда кому любо. Иногда упадутъ другъ че·
резъ дружку, встанутъ и опять бѣгутъ. Бѣгутъ до тѣхъ поръ—
пока у другого духъ захватитъ. Тогда остановятся. А если (отецъ)
кого поймаетъ, того ударитъ холудиной по головѣ. И такъ они
ходятъ по осени каждую ночь. Не ходятъ только наканунѣ вос·
кресеній и праздниковъ.

По лавкамъ. На рождество и крещеніе торговцы выносятъ
свои товары изъ лавокъ на сани, на сани придѣлываютъ кибитки,
наложить товару и вывезутъ ихъ на середину улицы. Тогда со
всей деревни соберутся парни и дѣвушки и солдатки къ лавкамъ.
Парни начинаютъ покупать у лавочниковъ, кто орѣхи, кто рожки,
кто пряники, кто сѣмечки, кто тыквенныя сѣмечки, кто конфеты,

ka-t, ki zaku-skat, ki vidi-t, ki duja-kujar vidi-t, ki kanfet-kat, ki mašt ra-mä, a täx-ti-rx-nä ärvä-xkä odžo-rant ke-cta väšy-t; ki maksä-, a ki ama-ksä, i nalksi-t čora-tñä täx-ti-rx-nä mařta, ki koda maštä, ki tolka-jiz, ki prafty-z, ki vačky-diž, i čyjñi-t vä-x-kist vä-x-kist mä-Iga čop. Kona-t tuji-t, kona-t syt, i tävi-st išta-moľä. pelevä po-ras; mäjlä-strady-t ku-dga, a lija-t roštova-sta, ščeneja-sta i mašiča-sta arxñi-t; odžoratñä kirxñi-t ala-šat pa-ryjsa, tro-jkasa, kona-t väx-ti växtä, šulmysit baja-gat, oza-fnyt nurdy-zyst täx-ti-ft; täx-ti-rx-nä mo-rčēt, a čora-tñä arxñi-ftit ä-syst väšij välinğa-lis- a iñi-čyn ostatka čysta täx-ti-rx-nä jaki-t tundy-n štreča-jama. Jaki-t pačaftu-ma, očežaftu-ma, päřtka-st kušakt, puly-syst le-ntat i čokt. Moľe-t välinf krugo-m i morčēt mo-rēt mīniču-nyñ. Šeř la-mykšt mora-syž: a «vésna-, a vesna-, a vesna-, vésna- kra-snaja maja-».

Tu-ndyn provóža-ma. Še-sta täx-ti-rx-nä jaki-t vä-sij ulčä-tñiñ äzga keřfikec ku-ndaž i morčēt ulčä-tñiñ äzga.

кто чего купить, а дѣвушки выпрашиваютъ у каждаго парня; кто дастъ, а кто не дастъ, и играютъ парни съ дѣвушками, кто какъ умѣетъ, кто толкаетъ ихъ, кто повалить ихъ, кто ударить ихъ, и бѣгаютъ другъ за другомъ весь день. Одни уходятъ, другіе приходятъ, и дѣло у нихъ такимъ образомъ доходить до полночной поры; потомъ расходятся по домамъ. А другіе на рождество, на крещеніе и на масленицу катаются на лошадяхъ; парни повпрягаютъ лошадей парами, тройками, нѣкоторые по одной, навязжутъ колоколовъ и посадятъ въ сани дѣвушекъ; дѣвушки поютъ, а парни катаютъ ихъ по всему селу. А на послѣдній день пасхи дѣвушки ходятъ встрѣчать весну. Ходятъ безъ платковъ, безъ верхняго платья, опоясанныя кушаками, въ косахъ у нихъ ленты и кисточки. Идутъ вокругъ села и поютъ разныя пѣсни. Больше другихъ пѣсень поютъ пѣсню: «А весна, а весна, а весна красная моя».

Провожаіе весны. Тогда дѣвушки ходятъ по всѣмъ улицамъ, схватившись рука за руку, и поютъ по улицамъ. Выходятъ

Lišni-t pa-kšau, jaki-t i morcē-t a-lamys i murdy-t ināki-j kudu-ŋ.

Kozna-sa. Nalksi-t ra-znasta. Nalksit bujni-sa, nalksi-t bu-kiini-sa i krukki-sa, gorotkesa, i la-dāž, i o-ro-lea ka-jaž.

Bujni-sa nalksit i-šta: ārvā-ŋki lo-māniš šta-ftā kozna, taji-t buj i še bujstynt karmi-t jovra-ma. Kona-t bujsta tokā, sajā, a kona-ato-kā, išta-k jo-rdā. Ki bujsta šeft va-suŋ jordā, še te veldā čērkssta iki-lij ča-vā; ža-ra tokā, šnara i sajā.

Bukiinisa. Arafnič žokpeldā čērks laŋks, a-vyŋ va-suŋ taji-t lija čērks. Še čē-rkseŋt āsta karmi-t koznape-ldā kāvi-rkšniinā pa-nyksa. Kiā žok pry panykyza, šeŋeŋ iki-lij čaums; konaŋ žo-

на поле, походятъ и попоютъ немного и вернутся назадъ домой.

Игра въ козны. Играютъ разно. Играютъ въ буйки, играютъ въ бычки и кружки, въ городки и съ предварительнымъ согла-шеніемъ ¹⁾ и съ бросаніемъ орла.

(Игра въ буйки). Въ буйки играютъ слѣд. образомъ: каж-дый поставитъ козонъ, устронть буй и начинаетъ кидать изъ этого буя. Во сколько козновъ попадетъ изъ буя, столько возьметъ, а въ который не попадетъ, броситъ такъ по пусту. Кто кинетъ изъ буя всѣхъ дальше, тотъ за то бьетъ впереди черты; сколько сши-беть, столько и возьметъ.

Игра въ бычки. Ставятъ жохомъ на черту, неподалеку проводятъ другую черту. Съ той черты начнутъ отъ козновъ ка-тать панками. Чей панокъ упадетъ жохомъ, тому бить впереди; чей сокъ ²⁾ дальше всего, тотъ бьетъ прежде всего. При битьѣ,

1) Становятъ козны въ рядъ, и одинъ мальчикъ (однимъ козномъ) ударитъ въ рядъ; и какъ ляжетъ панокъ (т. е. козонъ, которымъ били), то бьющій бе-ретъ панокъ и всѣ козны, которые лежатъ такъ, какъ панокъ. Если панокъ лежитъ «сокъ» (ничкомъ), то берутся всѣ тѣ козны, которые лежатъ «сокъ». Если панокъ лежитъ «бокъ» (на боку), то берутся всѣ козны, которые ле-жатъ «бокъ». (Замѣчаніе Р. О. Учаева).

2) Сокъ или чохъ — такъ называется положеніе козна, когда онъ лежитъ ничкомъ.

kóza šedi va-syla, še šedi i-kilij čavā. Čau-msta kyda·kozna·tūiñ toka-syñžā i vany·t, koda·pany·kyza aščā. Bida bok, to son šnary saja, žara tosa boky, a bida žok panykyza, to žokniñ sa-j-syñžā.

Krukķisa. Tāji·t kruk, kru-gynt vā pās tāji·t čērks. Še čērksēnt laņks ara·fñit ko-znat, avyl vasu tāji·t čērkskā, še čērksēnt udalu·u karmī·t kāvirksñimā panyksa. Išta-ža kona·n žo-kóza šeda va-syla, še iki·lij čavā. Vačky·tcynžā: za-ra kru-kstynt li-fti·t, šna-ra sa-jā, a bi-dā vāžki jak aliftā, vāžki jak asajā, i bida ato-kavit tanza, toža vā-žki jak asa-jā: kozna-za juma·š. I vā-ši ista čaņnyt, vāši kona za-ra li-ftā, šnara sa-jā, a kona·t kadu-vit vāšimida mājla, net mīrskožt ulit. Syn synst, bida kaduvit lama, odo·u na-lksisyz, a bida ala-ma nařžasyz; nařžasyš—odoņ nekā vakse štafñi·t vāžti vāžtā i karmī·t taga nalksimā od kon.

Gorotķesa. Vāžkā čorēnā šta-ftā vāti ko-znat šagi šag, čērks-

когда попадутъ въ бабки, смотрятъ, какъ стоятъ панокъ. Если бокомъ, то ударившій беретъ столько, сколько тамъ лежитъ бокомъ, а если его панокъ стоитъ жохомъ, то онъ возьметъ лежащія жохомъ.

Игра въ кружки. Сдѣлають кругъ, въ одномъ концѣ круга проведутъ черту. На этой чертѣ поставятъ козы, неподалеку проведутъ черточку, за эту черту начнутъ катать панками. Такъ же, чей жохъ всего дальше, тотъ впередъ и бьетъ. Ударить: сколько вылетитъ изъ круга, столько онъ беретъ, а если ни одна бабка не вылетитъ, онъ не беретъ ни одной, и если онъ не попадетъ, то также не беретъ ни одной: бабка его пропала. И всѣ такъ бьютъ; всякій, кто сколько выбьетъ, столько возьметъ; а которыя останутся послѣ всѣхъ, тѣ (считаются) мѣрскими. Если останется много, они играютъ ими снова, а если немного, то приведутъ ихъ въ порядокъ; приведутъ ихъ въ порядокъ, снова поставятъ вокругъ нихъ другія бабки по одной и начинаютъ опять играть другую партію.

Игра въ городки. Одинъ мальчикъ поставитъ пять бабокъ,

stā čērks šezēn i arci-t še čò-rksēnt laṅks čaṇnu-ma. Čaṇny-ti-šta: vāḡtā vāḡtā lo-maṅ; čavi-čas bidā toki vāḡkā, vāḡkā sa-jā, kolmy tokā, kolmy sa-jā, vāfā tokā, vāfā sa-jā. A bidā vāḡkā jak a tokā, vāḡki jak a sa-jā, kozna pandā; ka-fta tokā, kafta pa-ndā, ni-lā tokā, ni-lā pa-ndā.

Sokornè-sa. Štafny-syž kozna-tiñ šā-jicta, taji-t čērks vā pē-lej i kozna-tiñ pēldā karmi-t kāvi-rkšñiñā čērksēnt ekšc. Kona-n žo-kóza šēft vasyła, šēne-n šēft i-kilā čau-ms, a kona-n kāvi-rdamsta čērksē-ñte apa-čkydā pany-kyza, šēne-n čau-ms šā-l-ñiñ ko-naž. Ki ža-ra tokā, še šnara sa-jā, a šēft mājla kona-t kadu-vit apak toka, net mirsko-ḡt. Nalksisyž a-lā nařa-žasyž.

шагнетъ шагъ, проведетъ тамъ черту, и станутъ на эту черту, чтобы бить. Бьютъ слѣд. образомъ по одному: если бьющій попадетъ въ одну бабку, беретъ одну бабку (которую сшибъ), если попадетъ въ три бабки, беретъ три; если попадетъ въ пять бабокъ, то беретъ пять. А если онъ не попадетъ ни въ одну бабку, то не беретъ ни одной,—платить бабку; сшибетъ двѣ бабки, платитъ двѣ; сшибетъ четыре, платитъ четыре ¹⁾).

Игра въ слѣпые. Поставятъ бабки очень часто, проведутъ въ отдаленіи черту и начнутъ катать со стороны козновъ бабками за черту. Чей жохъ всѣхъ дальше, тому всѣхъ прежде бить, а чей панокъ при катаніи не дойдетъ до черты, тому бить зашурившись. Кто сколько попадетъ, тотъ столько беретъ, а бабки, которыя останутся послѣ всѣхъ не тронутыми, тѣ мірскія. Или играютъ ими, или дополняютъ ихъ.

1) Бьющій въ городки только тогда выигрываетъ, когда сшибетъ 1, 3, 5 бабокъ, а если не сшибетъ ни одной бабки или если сшибетъ 2 или 4, то проигрываетъ. (Замѣчаніе Р. О. Учаева).

Täŕtirŕnit purunŕit vā kruks, a vāŕkā suvā kunčkazyst i komā,
buta māšt kak karnā kočkama a ŕet vāšna karnŕit tārđimŕnga
buta baŕaŕ morāž:

Babaj a babaj,

Ađa paŕama

Kšŕnŕ polatasa,

Paŕcŕj teŕfkesa,

Šija vāđŕnisa,

Kšŕnŕ ģrebeškasa,

Ŕižyn ŕurčamsa.

Babaj a babaj,

Māšt tājŕat?

— Groškeŕ kočkan. —

Groškeŕ māžŕnŕ?

— Salmykskā raman. —

Salmykskiŕt māžŕnŕ?

Дѣвушки собираются въ одинъ кругъ, а одна войдетъ въ се-
редину ихъ и нагнется, будто начнетъ что-то собирать, а тѣ нач-
нутъ сперва звать ее, будто въ баню, при чемъ поютъ:

Бабушка а бабушка,

Иди париться

На желѣзныхъ полатяхъ

Шелковымъ вѣничкомъ,

Серебряною водицей,

Желѣзнымъ гребешкомъ,

Мѣднымъ гребнемъ.

Бабушка а бабушка,

Что ты дѣлаешь?

— Я собираю грошики. —

Грошики на что?

— Чтобы купить иголочку. —

Иголочку на что?

— Mešèkkeñ stams. —

Mešèkkeñt mähñiñ?

— Kävñit kočkams. —

Kävñitñiñ mähñiñ?

— P'raka pos. —

P'rakatñiñ mähñiñ?

— Tyñk äjdñk andums. —

Kodak išta m'erä, dy soñc napyštä koñ tänza para, a tä'itirñitñä eyjit mäl'ganza i šäl'giñit langyzynza i šäjrit tänza: «tfu äš p'razyt, tfu äš p'razyt».

Mäjlä tarkazynza ozä l'ja, kona tosa xočet, i karñit taga išta nalksimä.

— Чтобы спить мѣшечекъ. —

Мѣшечекъ на что?

— Чтобы собрать камушки. —

Камушки на что?

— Въ пирогъ. —

Пирогъ на что?

— Чтобы накормить вашихъ дѣтей. —

Какъ только скажетъ такъ, то сама побѣжить куда ей удобно, а дѣвушки побѣгутъ за ней и плюютъ въ нее и кричатъ ей: «тьфу, на твою голову, тьфу, на твою голову».

Потомъ на ея мѣсто сидеть другая, которая тамъ хочетъ, и начнутъ опять такъ же играть.

A eščo nalksít ištaña. Purumít kruks i kuńcít ketfi kec, kru-
gynít tǎjit kǎlij i karmít morama:

Ǵleteń a ǵleteń,
Ǵleteń zaražu,
Purbań urǎžu,

i vǎǵkiń tarkasta kedest noldasyž, i kafta tǎǵtırǵnít kedest kǎpit-
cyž, a ombóča pǎstyńt karmít suvama ne kǎpidif ketńa jutkuva.
Kodak vǎšij jutavít, mǎjlǎ taga išta kundyt i taga karmít mo-
rama.

I naražyt alašat, kambraštasyž i ojset laštǎ, kedezest sajif
nogajkat i tujit arǵnima prok kazakt. Kuva ardyt, žajf mola
ǵjstyst, i vǎšij čityrdyt i kudyńnít mǎjlǎ ištaža.

А еще играют такимъ образомъ. Собираются въ кругъ и
берутся за руки, сдѣлаютъ широкій кругъ и начинаютъ пѣть:

Плетень а плетень,
Плетень заряжу
? ?

и на одномъ мѣстѣ опустятъ руки, и двѣ дѣвушки поднимутъ свои
руки, а съ другого конца начнутъ входить между этими подня-
тыми руками. Когда всѣ пройдутъ, потомъ опять такъ же берутся
и опять начнутъ пѣть.

И уберутъ лошадей, осѣдлаютъ ихъ и сядутъ верхомъ, въ
руки возьмутъ нагайки и начнутъ кататься, точно казаки. Куда
йдутъ, тамъ идетъ отъ нихъ стонъ, и все дрожить, и послѣ поси-
дѣлокъ дѣлаютъ такъ же.

Pokajis ulnis sedā ikilīn naṛad; sonza orčnez šoksna kudynda
ikilā. Tāχtirχnā sesta naṛažakšnyšt išta: orčet pokaj pāftkast,
meščezest pokš šulgam, prāzyst biširyń prāsuks. Pīlist krugom
karksys—pīlisurīt. Pīlisurīs—pokš šulgamys i pra šuksys, naṛa-
žaft vāšij grušasa i goṛnepouša.

Bojarpra. Sedā ikilā bojarpradyūt putnikšnyšt oṛta vālkse,
kriškava, i meṛnešt: šajtan asuvavā i kodamajak skotenań kuluma
asuvavā.

Покай былъ стариннымъ нарядомъ; его надѣвали осенью пе-
редъ посидѣнками. Дѣвушки тогда наряжались такъ: надѣнуть на
себя покай, на грудь большую застежку, на голову бисерную по-
вязку. Вокругъ ушей поясъ — ушные нитки. Ушная нитка —
это большая застежка и повязка, украшенная все побрякушками
и погремушками.

Чертогонъ. Въ старину клали чертогонъ на ворота и подъ
крышу, и говорили, что не войдетъ шайтанъ и не приблизится
никакой скотскій падѣжъ.
